

**КАРИНА
ДЕМИНА**

ЛЕДИ И

НЕКРОМАНТ 2

Леди из ниоткуда

Карина Демина

**Леди и некромант
– 2. Тени прошлого**

«Автор»

2018

Демина К.

Леди и некромант – 2. Тени прошлого / К. Демина — «Автор»,
2018 — (Леди из ниоткуда)

«– В человеке должно быть прекрасно все, – задумчиво заметил Альер, глядя, как тело мертвеца исчезает в зарослях терновника. – Особенно мозги... Я лишь икнула, прикрывая рот кружевным платочком. Светило солнце. Терновник отцветал. Гудели пчелы. И лишь реденький белесый дымок, поднимавшийся над октоколесером выдавал, что еще недавно местная пастораль не была столь уж пасторальной...»

Содержание

Глава 1. Некромант и жизненные обстоятельства	5
Глава 2. Некромант и обстоятельства	10
Глава 3. Леди и печаль	17
Глава 4. Некромант и девица в беде	24
Глава 5. Некромант и некромант	32
Глава 6. Леди и змеи	41
Глава 7. Леди и альв	53
Глава 8. Леди и призрак	66
Глава 9. Некромант и тайны прошлого	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Карина Демина

Леди и некромант 2

Глава 1. Некромант и жизненные обстоятельства

– В человеке должно быть прекрасно все, – задумчиво заметил Альер, глядя, как тело мертвеца исчезает в зарослях терновника. – Особенно мозги...

Я лишь икнула, прикрывая рот кружевным платочком.

Светило солнце.

Терновник отцветал. Гудели пчелы. И лишь реденький белесый дымок, поднимавшийся над октоколесером выдавал, что еще недавно местная пастораль не была столь уж пасторальной.

– Эй, болезный, – Альер поднял обломанную ветку и отмахнулся ею от призрачной кошмары. – Вспомни, что ты некромант...

...и на этих словах меня все-таки вывернуло.

В терновник, из-под которого пробивалась крапива и пара-тройка крупных ромашек.

А ведь день начался так хорошо...

...почти хорошо.

Рассвет над безымянною речушкой. И Тихон, задумчиво уставившийся на солнечный шар. Он забрел на середину этой реки, благо, вода не доставала и до колен, и просто стоял. А потом опустил руки и вытащил пару солидных форелей.

...завтрак.

...беседа почти мирная, и даже присутствие Альера раздражало меньше обычного. То ли жара летняя так подействовала, то ли привыкать к нему начали, а потому не огрызались. Карта, маленький городок Большие Выти, куда мы должны были добраться к вечеру, и кладбище близ одного городка...

В общем, ничего-то нового.

За прошлый месяц мы уже побывали на трех таких вот кладбищах, тихих, провинциальных и столь древних, что вместо должного трепета, они навевали глухую тоску. Пожалуй, именно эта рутинность последних дней, да что там дней – недель, распаренно-солнечных, наполненных исключительно мелкими заботами, и сыграла с нами злую шутку.

– Отстань, – Ричард вынырнул из зарослей и потер расцарапанную щеку. – Нельзя использовать силу...

...я сглотнула вязкую слюну.

Леди падают в обморок, а не... бабушка наверняка нашла бы, что сказать. Или и говорить не стала бы? Просто глянула, как она умела смотреть, с холодком, сквозь который пробивалось разочарование. Как же... леди положено стоически переносить трудности.

И не блевать при виде посторонних трупов.

...нас ждали после поворота на Верхние Выти. От широкой ленты имперского тракта отходила дорога, пусть и мощеная камнем, но все одно выглядевшая какой-то... не такой. И дело отнюдь не в том, что камень этот был щербат, а сама дорога за годы жизни своей обзавелась многими ухабами и яминами. И не в щетке неряшливого кустарничка, что протянулся этакой лохматою стеной, из которой время от времени выпирали столбы кривоватых деревьев.

Нет, просто...

Ощущение заброшенности.

И какой-то... пустоты?

Постепенно дорога становилась более узкой, а придорожная колея, напротив, расширялась, превращаясь из канавы в глубокий овраг с рыжими стенками. Сам поворот был крут. А пара огромных валунов с другой стороны его и вовсе заставляли задуматься, надо ли нам туда лезть.

И Тихон сбросил ход.

А Грен, вздохнув, зачерпнул бисера из широкой миски...

...октоколесер вздрогнул всем своим массивным телом, и бисер посыпался сквозь пальцы, а миска перевернулась. Крутанулся гамак, сбрасывая сонного Ричарда на пол...

– А вас ведь предупреждали, – Альер держал в руках клок чего-то черного и явно живого. Оно шевелилось, выпуская тончайшие щупальца, пытаясь ими вцепиться в призрачные руки духа.

... снова громыхнуло.

И трянуло.

И черноты стало больше. И Альер, которому явно надоело щупальца обрывать, просто-напросто скатал из нее шарик, который сдавил между ладонями.

Сунул в рот.

Проглотил.

Облизнулся.

И заправил выбравшееся было изо рта щупальце.

– Хорошее проклятие, – заметил дух, икнув. – Смертельное...

Он прикрыл глаза, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Широкого спектра...

– Что... – я хотела спросить, что происходит, но оказалось, что спрашивать не у кого.

Ричард исчез.

И Грен сгинул.

И вообще... вообще было бы разумно остаться внутри, это я в данный момент понимала распректрасно, а вот тогда... тогда я вдруг осознала, что заперта внутри железной туши октоколесера.

И что бежать здесь некуда.

Прятаться...

...а солнышко припекало.

И над почерневшим телом роились мухи, они садились на кожаные потертые штаны, камзол из темно-зеленой блестящей ткани, ползали по ремню и сапогам. И я старалась смотреть на этот самый камзол, а лучше – на сапоги и шпоры...

...на мушкет с широким раструбом дула.

...на чью-то шляпу багряного цвета... перо на ней...

...тогда-то я мало что успела понять.

Увидеть.

Человека, стоявшего на камне. Он казался невероятно высоким. А плащ и вовсе заслонял солнце и небо. В руке человека был то ли посох, то ли труба, главное, что от него исходило сияние. И сияние это разлилось по камню, расплзлось, поднялось волной, грозя затопить и октоколесер, и меня...

– Ложись! – меня ударили в спину, опрокидывая в пропыленную жухлую траву. – Дура...

Ричард навалился сверху.

– Сам ты... – я успела просипеть прежде, чем едкий ядовитый свет добрался до нас.

На мгновение стало тихо.

Очень тихо.

Исчезло все. Небо.

Земля.

Воздух.

И я, оказавшись одна в этой необъятной пустоте, растерялась. Как такое возможно? И главное, что мне делать? Сознание словно раздвоилось. Одна часть его застыла в камне, которым стало тело, а другая наблюдала со стороны.

Вот октоколесер застыл, уткнувшись носовой решеткой в ствол сосны, что перегородила дорогу. Вот Тихон уткнулся лбом в стекло. Он жив? Та, моя другая часть, прислушалась и со странным удовлетворением отметила, что да, жив. И Грен, свернувшийся калачиком меж передних колес. Из пальцев его выкатился каменный шар, испещренный рунами...

...Ричард.

И Альер.

– Идиоты, – произнес он с невыразимой тоской в голосе. – Вас же предупреждали...

– Что это?

Та, другая, свободная моя часть, была способна говорить. И видеть... и то, что она видела, ей было не по вкусу. Собственное тело, нелепое в домашнем сером наряде. Юбка задралась, ноги раскинулись, туфля потерялась, а на чулке дырка появилась.

На пятке.

Когда успела?

Я смотрела на себя с неудовольствием, все же леди и в подобных обстоятельствах должна была оставаться собой...

...а тут еще Ричард.

Разлегся на мне, как на диване... и какая разница, что я ничего-то сейчас не ощущаю, все одно обидно.

– Это, моя дорогая родственница, – ненавижу, когда Альер начинает говорить подобным покровительственным тоном, – «Белый сон»... теоретически... и если так, то готов признать, что вас высоко оценили. И в мои времена подобное заклятье было из числа редких и дорогих...

Сон, значит.

Белый.

Хотелось бы знать, что именно снилось Ричарду, если выражение лица его стало столь глуповато-счастливым? Разве что пузыри не пускает. И это, называется, грозный некромант, спаситель мира...

Альер потер переносицу и задумчиво произнес.

– Знаешь, не хочу тебя огорчать, но кажется, вас сейчас будут убивать...

Человек в плаще ловко спрыгнул наземь. Отряхнулся. Покрутил железяку, сияние которой несколько поблекло, и, отшвырнув ее, бесполезную, в сторону, коротко свистнул. Тут же из зарослей терновника появились трое весьма характерного вида. Подходили они медленно, с опаской, но с каждым шагом уверялись, что заклятье подействовало.

– А ты говорил, зазря потратились... – смуглый бородач пнул неподвижного Грена. – Ишь... лежат... как живые...

Он хохотнул и, подняв рунный шар, подбросил на ладони.

– Знатная штучка...

– Не трогай, – велел человек в плаще.

Теперь было видно, что сам он не столь уж высок, как мне показалось. Роста скорее среднего, худощавый и нездорово бледный.

– А ты мне не указывай, – бородач сунул шар в кошель.

А кошель на широком поясе его висело с дюжину. Одни тощие, затасканные, другие – вида солидного, третьи и вовсе роскошные, явно знавшие иных, куда более приличных хозяев.

– Я не указываю, – маг присел у тела и положил пальцы на шею. – Я предупреждаю. Схватишь сторожевое проклятье, ко мне не приходи...

– Да я...

– Тихо, – бросил третий, и стало и вправду тихо, хотя этот человек был вовсе уж невыразителен.

Не высокий.

Не низкий.

Не полный, но и не худой. Какой-то настолько никакой, что я и лица-то разглядеть не могла.

– Полог, – пояснил Альер, проводя над типом ладонью. И тот, словно почувствовав что-то этакое, обернулся... свистнул клинок, рассекая воздух, и ушел куда-то в переплетение колючих ветвей.

– Что за...

– Нервишки шалят, Халым? – заржал бородач, но как-то тоненько, и отступил на всякий случай. – Готовы все...

– И чутье неплохое, – Альер покрутил в руках призрачный нож. – И оружие... интересно, зачем он с этой швалью связался-то?

Нож развеялся по мановению пальцев духа, и тот подмигнул мне, чтобы в следующее мгновение оказаться за спиной Халыма.

– Почто путников мирных обижаете? – спросил Альер.

И захрипел.

Упал на землю, хватаясь за рукоять второго ножа... и застыл в позе столь картинной, что даже я не поверила. А уж наемники тем паче.

– Что за хрень? – поинтересовался бородач.

– Я не хрень, милейший, – Альер сел и от ножа избавился. – Я, если позволено будет заметить, дух воплощенный...

...он поймал черный ком, который сунул в рот.

– Премного благодарю, – он изобразил насмешливый поклон. – Если у вас еще найдется проклятье-другое...

– Не траться, – глаза у Халыма тоже были бесцветными. – Духи безвредны...

...это они, конечно, зря. Может, обычные и безвредны, но вот Альер... глаза у него нехорошо так блеснули. Правда, кажется, это лишь я заметила.

– Если привязку найти, то можно подчинить... – маг втянул очередной ком в пальцы.

– Заканчивайте, – Халым будто разом утратил интерес и к октоколесеру, и к Альеру. Он подошел к нам с Ричардом и наклонился.

Уставился немигающим взглядом.

И смотрел... смотрел... Чего увидеть пытался? Нимб в моих волосах? Тайный знак? Или просто забавляло это зрелище? Извращенец несчастный.

Присев на корточки, он коснулся шеи.

Хмыкнул.

И сказал:

– Здравствуй, красавица...

– И тебе доброго дня, – пробормотал Ричард, вгоняя сложенные щепотью пальцы в смуглую шею. И Халым дернулся было, захрипел, а потом...

...потом глаза его вскипели, а на щеках проступили черные пятна. Они стремительно расплзались, и кожа живого мертвеца – а Халым стал мертв в тот миг, когда Ричард к нему прикоснулась – слезала лохмотьями...

Ох, не стоило вспоминать о подобном.

В горле ком застрял. И меня снова вывернуло.

...бородач закричал, так протяжно, жалобно, а потом захлебнулся кровью, но почему-то не умирал долго. Или мне показалось, что долго? Катаясь по земле, хрипя, раздирая пальцами распухшее горло.

Над магом вспыхнула белая пелена.

И пошла язвами.

Он сражался молча. Выставил руки, будто упираясь в стену. И я даже видела эту самую стену, из мутного стекла, как и трещины, по ней поползшие. Они то вспыхивали, то таяли, чтобы появиться в другом месте, и это противостояние длилось и длилось, чтобы закончиться в один момент.

Маг покачнулся.

И упал.

И не поднялся. И лежал, когда Ричард подошел. Присел.

...прикрыл его глаза. Пожалуй, он единственный из троих выглядел почти нормально...

– Ливи, деточка, – Грен подал мне руку. – Не надо тебе смотреть на такое...

...когда я вернулась в тело, пожалуй, именно этот момент прошел мимо. Вот я стою над собою же, и вот уже со стоном пытаюсь подняться, а руки увязают в иссушенной земле. Она, мелкая и черная, липнет к вспотевшей коже, и руки выглядят черными.

Красными.

– Куда поперла, дура? – вежливо осведомился Ричард, сплевывая.

Только плюнуть не получилось, розовая слюна прилипла к подбородку, и он раздраженно стер ее.

– Я...

Я хотела кричать.

И плакать.

И если бы он полез спрашивать, как я, не ранена ли, не испугана ли, я бы расклеилась и разрыдалась. Но он не стал. И руки не подал. И просто стоял, глядя, как я пытаюсь подняться... и уже за это я была ему благодарна.

– Жива. Не ранена. Все в порядке. Спасибо, – сказала я, вытирая грязь о юбку, которая и без того была безнадежно испорчена.

– В следующий раз сиди там, – Ричард махнул в сторону октоколесера.

Я хотела сказать, что надеюсь, что следующего раза не будет, но промолчала. Будет. И мы оба это понимаем. И наверное, нам действительно повезло несказанно, что он...

– Как ты... – я сглотнула и отвернулась, стараясь не думать о мертвецах, которые меня окружали.

– Альтернативные... техники, – Ричард вцепился в гроздь подвесок. – Иногда... оказываются очень... полезными...

Я кивнула.

И именно тогда, на кивке, меня и вырвало в первый же раз.

– А...

– Скоро очнуться, – Ричард протянул платок. – Это... недолго...

Он сглотнул и отвернулся, пытаясь выглядеть невозмутимым. Но почему-то я в эту невозмутимость не поверила.

Глава 2. Некромант и обстоятельства

...убивать ему не приходилось.

Людей.

Нежить – дело иное, ее упокоить – святой долг порядочного некроманта, а еще его единственный заработок. Да и нет в нежити, пусть порой весьма человекообразной по виду, ничего действительно человеческого. А сейчас на траве лежали люди.

Трое.

...и тот снайпер, чье тело, Ричард надеялся, уже убрали и упокоили на городском кладбище.

И ведь эти – не последние. Слухи расходятся, что круги по воде. Ульрих поспособствует, чтобы круги эти были велики, Оливия стиснула кулачки. Выглядела она бледной, но в истерику ударяться явно не собиралась, что само по себе радовало: сил на чужие истерики у него не было.

Сил вообще не было.

Он и стоял-то исключительно на упрямстве...

...а хуже всего, что ему пришлось использовать «Серый тлен», забытый, но, несомненно, запрещенный. И действенный...

– Я тут... просто посижу, ладно? – поинтересовалась Оливия, отползая от мертвеца. Вид тот, к слову, имел преомерзительный. Да и воняло...

– Посиди, – разрешил Ричард, сам присаживаясь рядом.

Ненадолго.

В конце концов, он ведь не железный...

Сиделось хорошо. Припекало солнце. Чирикали какие-то птицы. Ричард, к сожалению, понятия не имел, какие. Он разбирался исключительно в падальщиках. Эти подтянутся ближе к вечеру...

...пахло тленом.

И еще розами.

– Почему, – Оливия вытерла губы платком и поморщилась. Ну да, не особо чистый, но какой уж был... – Почему оно подействовало... то заклинание... ведь... защита... Тихон говорил, что...

Она икнула и поспешно зажала рот рукой.

А ведь хороший вопрос, если подумать. Октоколесер и вправду был защищен. Тихон на эту защиту не один месяц потратил. Он лично вытравливал каждый завиток эльфийской вязи, а иные и кровью подпитывал. А в голове от слабости шумит. Ведь задело же... и обездвижило заклятье, и в первое мгновение Ричард даже испугался.

Это ложь, что некроманты не знают страха.

Еще как знают. И он не исключение. Он еще успел подумать, что глупо будет просто взять и умереть, не добравшись до кладбища, и не рассказав о своей догадке никому...

...глупо и удобно.

...для Ульриха. Вот уж кто горевать не станет... и злость накатила такая, что он забыл, как дышать. А потом вспомнил и не только о дыхании.

Вдох.

Выдох.

И закрытые глаза... сон? Пусть... сны бывают разными, ему ли не знать... и те полгода, которые Ричард потратил, пытаясь постичь путь шаманов Севера, не прошли даром. В этом полусне-полуяви, когда разум отделяется от тела, с телом можно сделать многое...

...главное, не спешить.

У них, этих троих, что пришли по душу Ричарда, наверняка в запасе есть еще что-то, и стоит магу заподозрить, что жертва более подвижна, чем ему представлялось...

...серое колечко, сплетенное из волос утопленницы, сдобренное каплей крови горного хрэса. Заемная сила, дурная, тяжелая, с которой не всякий совладать способен. Но выхода нет. Если, конечно, Ричард хочет выжить.

...пустяковина, если разобраться...

...с виду...

...это хорошо, что с виду пустяковина, да... приглядишься кто к плетению, и не миновать беды... от кольца прокатилась теплая волна, сметая остатки заклятья. И благо, что маг оказался слишком самоуверен, а может, недостаточно умел, чтобы почуять неладное.

Ждать.

Хуже нет, чем просто лежать и ждать. Нервно вслушиваясь в то, что происходит вокруг, гадая, не будет ли это ожидание само по себе ошибкой: вдруг да не станут подходить, а пристрелят издали...

...он и дышать старался через раз, надеясь, что стук сердца не выдаст.

...тень на лице.

Запах чужака, который кажется резким, отвратительным. И он сам, наклонившийся, такой поразительно беспечный.

Прикосновение.

Влажноватая смуглая кожа. И сила, которая вцепилась в чужую шею...

А ведь можно было бы иначе... парализовать... допросить...

– Что, совесть мучает? – Альер материализовался рядом. Он не нашел лучше, как усесться на мертвеца и потянуть за крупную золоченую пуговицу на его куртке.

– Уйди, – попросил Ричард, сплевывая.

Оливия ничего не сказала.

Она сидела, уставившись в одну точку, и дышала мелко, часто, будто после долгого бега. Сердце ее стучало быстро. А белые пальцы, упершиеся в виски, подрагивали.

– Куда? – Альер подбросил на ладони пуговицу. – Не переживай. Совесть, она только поначалу мучает...

– А потом?

– Потом привыкает. Если тебе станет легче, то ты все сделал правильно.

Не станет.

Да и...

– Я мог...

– Да... – Альер поднялся, – измельчал ныне некромант... совестливый пошел, трепетный... как ты вообще учился?

– Хорошо, – буркнул Ричард и провел руками по лицу, стирая эманации чужой силы. Поднялся.

Осмотрелся.

– Оливия, – голос звучал глухо, надсадно. – Ты... иди... посмотри, что с... Греном... и...

Каждое слово давалось с трудом, и если бы она стала спорить... а она не стала. Поднялась молча. Прижала к губам все тот же мятый и не особо чистый платок, кивнула. Она шла, покачиваясь, явно на одном упрямстве. И ей бы в дом, прилечь.

Отдохнуть.

А то и вовсе погрузить в сон... но ведь не согласится.

Ничего. Как-нибудь.

Она сильная. А Ричарду... ему надо кое-чем заняться.

– Правильно мыслишь, – Альер отряхнул с рук призрачную грязь. – С кого начнем?

...круг призыва, вычерченный палкой на песке был далек от идеального. Ричард упорно выводил руну за руну, периодически останавливаясь, чтобы перевести дух. Проклятье выросло куда больше сил, чем ему представлялось. И по-хорошему стоило бы подождать с допросом.

Или попросить Альера.

Ему ведь не нужны ни круги, ни свечи, ни кровь жертвенная, и сил у духа лишь прибыло. А у Ричарда – наоборот.

И не откажет, если попросить...

Ричард стиснул зубы. Нет уж. Просить он не станет. Справится.

– Какая на редкость уродливая структура, – Альер обошел круг и остановился под колючей ветвью. А в народе наивно считают, будто терновник способен защитить от нечисти. – Это тебя так учили?

– Да.

Ричард отбросил палку и сбил пыль с рук.

Надо выбрать... бородач? Этого разговорить будет проще всего, но что он знает? Вряд ли так уж много... маг? Вывать к одаренным – не лучшая идея...

– Хорошему некроманту все это... – Альер провел рукой над кругом, стирая линии. – Без надобности. Сила воли и только...

– Ты...

– Учись, низший, и возможно, Боги будут к тебе милосердны.

Очаровательно.

– Чем раньше ты отойдешь вот от этого...

...символы, которые он чертил с таким старанием, в каждый вкладывая жалкие остатки сил, таяли.

– ...тем раньше начнешь мыслить, как и подобает истинному некроманту, – Альер подошел к телу и поманил за собой Ричарда. – Клади ему руку на грудь.

Грудь была теплой.

И показалось, что вот-вот дрогнет внутри ее сердце, застучит с новой силой.

Иллюзия.

И жара. По жаре тело долго остывает.

– А вот опираться на него я бы не советовал, – Альер встал за левым плечом.

Опираться?

Правильно... ни к чему... проклятье размягчает ткани, еще немного и само тело превратится в кожаный бурдюк, заполненный костно-мышечной массой, прорвешь такой и растечется.

Тошнота вновь подкатила к горлу.

...а может, прав был батюшка? Ну его, спасение мира... домой вернуться, к маминим пирогам и правильным невестам, к работе на городскую управу, тихим будням и пятничным посиделкам в местной таверне...

– Сосредоточься и попытайся зацепить его дух по следу.

– По какому? – уточнил Ричард.

...и все-таки это безумие. Вывать вот так... напрямую... да, некроманты Старой Империи были способны на такое, но... сдерживающий контур... равновесие потоков... отвод негативной энергии... просто взять и отказаться от того, чему Ричарда учили столько лет?

– Сосредоточься...

Голос Альера звучал в голове, вызывая вспышки яркой боли. Надо отрешиться и от нее тоже.

Дух не обманет.

Сделка.

И... Ричард ему тоже нужен...

...сосредоточиться. Не на теле, не на ощущении, что оно прогибается под рукой. Надо преодолеть отвращение и срезать пуговицы, вспороть рубаху. Контакт кожа к коже всегда эффективней...

– Видишь, и низшие способны соображать...

Сомнительного качества похвала, но злости нет. Да и отвращение уходит. Тело как тело, случались в жизни Ричарда неприятные моменты. Одним больше, одним меньше.

Вдохнуть.

И медленно выдохнуть, выравнивая ритм сердца. Перейти на внутреннее зрение. Аура мертвеца тает. Энергетическая структура разрушена заклятьем. На шее зияет черная дыра, от которой жгутами расползаются поглощающие потоки.

...даже интересно.

...Альер объяснял это... но одно дело слова, а другое – самому увидеть. Нет, на живых Ричард смотрел, запоминая особенности структуры, но мертвец... основной каркас силовых линий темный, плотный. И значит, имелся у мертвеца слабенький дар. Магом ему не стать было, но использовать... а ведь использовал... синие нити переплелись с желтыми, физического тела... и значит, был наемник быстр и вынослив. Живуч.

И нюхом обладал изрядным...

...повезло.

Не ему, конечно, а Ричарду, что со временем по привычке наемник к своему дару, уверился в собственной неуязвимости.

...Ричард запомнит. Просто, чтобы не повторить чужой ошибки.

Он некоторое время наблюдал, как проклятье пожирает остатки энергии в теле, а после решительно сунул пальцы в переплетение нитей.

...разума.

...воли.

...тела.

...и духа... полупрозрачная нить, истончившаяся, еще немного и вовсе растает. Ричард потянул за нее. Сперва осторожно – уж больно тонкой она выглядела, потом сильнее. Душа не желала возвращаться. Она билась, что пойманная рыбина. И приходилось останавливаться, давая отдых себе и подпитывая нить силой...

И вот мир вздрогнул и привычно вывернулся наизнанку, выплевывая неприкаянную душу.

– Сука, – сказала она, вытирая кровь с лица. – Ты меня убил!

– Можно подумать, ты меня собирался с днем рожденья поздравить, – Ричард стиснул нить в руке. Откуда-то снизошли спокойствие и уверенность: ничего-то не сделает эта, возвращенная, душа.

И наемник это тоже понял.

– Чего тебе надо? – спросил он.

Невысокий.

Но крепкий и жилистый, он был уже немолод. И наверняка, подумывал отойти от промысла. За годы он скопил достаточно, чтобы осесть где-нибудь в маленьком тихом городишке, открыть то ли таверну, то ли гостиницу, то ли лавку оружейную, главное, дело свое и тихое...

– Кто нас заказал? – Ричард ощущал эмоции души.

...злость отступила скоро. Такие не злятся, когда в том нет особого смысла.

– А что мне за это будет? – наемник осклабился.

– Я тебя отпущу.

Дух задумался, но качнул головой.

– Мало.

– И чего ты хочешь?

...а ведь в воле Ричарда заставить. Нет, сразу не получится, но он способен причинить боль и духу. Не так, как Альер, но иначе... привязать его к телу, оставить в нем, заставляя ощущать, как тело это распадается... а потом...

...мало ли, что можно придумать...

– Услуга за услугу, – наемник старательно не смотрел на собственное тело. – И я расскажу все, что знаю, хотя знаю не так и много. Но и от тебя не потребую невозможного.

Смешок Альера.

...он бы точно не стал договариваться с каким-то жалким...

– Ничего сложного. Или запрещенного, – дух сцепил руки за спиной. – Я кое-что скопил. Деньги в гномьем банке. Номер счета скажу. И пароль. Половину можешь взять себе. Если, конечно, тебя устроят мои гроши...

...не гроши, отнюдь.

Он ведь был успешен. Известен в определенных кругах. Он брался за всякие дела... не за все, нет, у него был собственный кодекс. Не важно, главное, что в последние годы ему платили золотом, и это золото он не тратил попусту, откладывая на день, когда...

– Вторую... переведешь одному человеку, – дух осмелился посмотреть в глаза Ричарда, и нить задрожала, стремительно истончаясь, будто показывая, что вот-вот оборвется.

А повторный вызов потребует куда больших сил.

– Хорошо, – Ричард ослабил пальцы, позволяя нити соскользнуть. – Клянусь своей силой, что исполню твою просьбу.

...в конце концов, от него не требуют многого.

– Знаешь... – дух посмотрел на собственные полупрозрачные руки, – а я ведь чувствовал, что не стоит соглашаться на это дело... но сорок тысяч... и все, что мы здесь поднимем.

Под рукой стало влажновато.

Неужели и кожа расплзется? Неприятно, но думать надо не о коже, а о нити, что вновь стала тоньше. И пришлось влить в нее каплю силы.

Капля за каплей...

...Альер молчит.

А ведь он почуял их загодя. Не мог не почуять. За прошедшие дни Ричард понял, что треклятому духу подконтрольно пространство на лиги полторы...

...амулет сокрытия?

Полог?

Человека это обмануло бы, но Альер...

...не предупредил.

Почему?

Не счел нужным?

Второе больше похоже на правду. И вряд ли неугомонный дух желал смерти. Нет, все это напоминает урок. Жесткий. И поучительный.

А то расслабились.

Их ведь предупреждали, и Ульрих, засранец, так просто не унялся бы... но отдать все... сорок тысяч... Ульрих с деньгами расставался крайне неохотно... но сорок... за добычу... на камнях можно взять в десятки раз больше... а Ульрих уверен, что камни здесь... и не они одни.

Сокровища Старой Империи...

Так, мысли плывут – это от отката, силу призрака сосет, пытаюсь хоть так удержаться в мире яви. И у него получается, а Ричард этак в собственных мыслях заплутает и тогда...

– Кто?

– Посредник, – призрак злорадно оскалился. – Нашел нас в «Хромой собаке». Ильгаш Одноглазый... если он еще жив, в чем я сомневаюсь, признаться. Уж больно все...

...нехорошо получилось.

Ильгаш был человеком проверенным. Мерзотным, конечно, но приятные посредники Халыму в принципе не встречались. Ильгаш и среди этого шакальего племени отличался какой-то полной беспринципностью.

...опасное сближение.

И дух, присосавшийся к эмоциям Ричарда, пьет их, щедро делясь своими, как ядом.

...толстый человек с короткой бороденкой, которую Ильгаш красил смесью хны и басмы. Эта черная борода лоснилась, завивалась мелкими колечками.

В складках шеи прятались золотые цепи.

И грозди медальонов возлежали на пухлой груди.

Он изо всех сил стремился казаться солидным, деловым человеком. Но его все одно не любили.

– ...подумай, – голос Ильгаша был звонким, мальчишечьим, совсем не подходящим этому огромному телу. – Что ты теряешь? Да стоит мне сказать про такой приз...

Он подмигнул подведенным черной сажей глазом.

Приз и вправду был знатным. Слишком уж, чтобы поверить в то, что достанется он легко.

– Смотри, – Ильгаш раскатал карту. – Сейчас они здесь... эта их... штука не так быстра, как лошади...

...но зато в отличие от лошадей, она не нуждается в отдыхе.

– Здесь удобное место... – Ильгаш указал на развилку. – Дорога старая, безлюдная...

...подготовился.

...и с чего бы? Задача посредника – свести людей, у которых возникли проблемы, с людьми, способными оные проблемы решить за малую или отнюдь немалую плату.

– Поставите амулеты... сработают сами, когда эта махина на них наедет...

Ричард стиснул зубы.

Холод пробирался сквозь одежду, сквозь кожу, и треклятый дух чувствовал слабость. Нет, он не намеревался убить, понимал, что не выйдет. Да и договоренность...

– ...амулеты заказчик предоставит, – Ильгаш выложил на стол связку, и Шайдо, до того слушавший молча, как и положено младшему в тройке, не удержался, протянул руку.

Присвистнул.

– ...не отказывайся, – Ильгаш кинул на стол камешек. – Посмотри... эти ребята ломанули имперскую гробницу...

Над столом поднялся полог купола.

– Вы возьмете там столько, что хватит не только вам, но и вашим правнукам...

...правнуков у Халыма не было, а вот дочь имелась, если верить тому письмецу. Где-то там, в приморском городочке, чье название Халым упорно пытался вытравить из памяти. А оно возвращалось. И наверное, он даже почти решился навестить, что городок, что женщину, жившую в белом доме под зеленой крышей. Халым надеялся, что эта женщина не уехала.

...куда ей?

Да и лавку свою не бросит... травницы неплохо зарабатывают, а он... ему всегда свобода была дороже. И вот теперь, выходит, нагулялся...

На счету у него почти пятьдесят тысяч. И этого хватит...

...хватит.

– Если они и вправду, – Халым принял решение. Почти. – ...как ты говоришь ломанули имперскую гробницу, то...

...за последнюю сотню лет Халым не слышал, чтобы у кого-то это получалось.

– погоди, – Ильгаш облизал толстые губы. – Я кину зов и слетятся все...

– Пускай.

Халыму не было никакого дела до всех. Умные отступятся, а дураки...

– Это, – Ильгаш указал на связку амулетов, – сделает всю работу... тебе всего-то нужно, что подойти и взять...

– Тогда отчего ты сам не подойдешь и не возьмешь?

Ильгаш погрозил пальцем, на котором алым глазом поблескивал перстень.

– Халым, ты меня сколько лет знаешь? Разве я когда-нибудь кого-нибудь подводил?

Трогар выразительно хмыкнул.

– Я бы позвал... да вот хоть Кишара позвал с его десятком... или Фринга...

– Позови...

– Заказчик ясно сказал, что ему нужны лучшие... а ты лучший, Халым.

Лесть? Определенно. И в темных глазах Ильгаша видно раздражение. О да, будь его воля, он нашел бы кого поговорчивей. За сорок тысяч-то и искать не придется. Но продолжает обхаживать Халыма, и значит, заказчик серьезный.

– Половина вперед, – выдвинул аргумент Ильгаш. – И все, что найдете, ваше... ему нужна только женщина. И нужна целой, Халым, поэтому я и пришел к тебе.

Глава 3. Леди и печаль

Грен пришел в себя быстро.

Он сел.

Огляделся. Потянулся, зевнул широко и, почесав живот, произнес:

– Не было печали... так по шее настучали, – и шею эту короткую потер. Потом поднялся, с кряхтением, сопением и, распрямившись, огляделся и присвистнул. – А наш пострел везде поспел...

Я лишь руками развела.

Стало легче. Немного. Отступила дурнота. И нудная головная боль откатилась.

– А Тихон, стало быть... – Грен с трудом поднял голову. – Ишь ты... живой?

И сам себе ответил.

– Живой... что ему делается, паскудине этакой? Ливи, девочка моя... ты не могла бы...

Могла бы.

Я стянула лесенку, которая теперь казалась еще более тонкой и неустойчивой, нежели обычно. Под весом моим она противенько дребезжала и позвякивала, царапая запыленный бок октоколесера. В кабине привычно пахло дымом, соляркой и еще чем-то таким же, не сказать, чтобы неприятным, но вызывающим стойкие ассоциации с автомобилями.

Тихон лежал, навалившись на рычаги. В щеку его упирался шестигранный управляющий кристалл, а руки свисали почти до пола.

– Эй, – я осторожно коснулась плеча и отдернула руку, которую будто в кипяток опустили. – Ой!

Пальцы покраснели и... и будто дымкой окутались.

Жемчужной.

Мягкой.

Боль отступила, а вместо нее появилось ощущение тепла, такого... волшебного тепла, которое растекалось по крови.

...как коньяк...

...сходные ощущения... и голова так же кружится... и танцевать охота... и сил прилив ощущаю невероятный... я бы, пожалуй, сейчас сотворила что-то этакое... этакое...

Я рассмеялась от восторга.

И очнулась, когда щеку обожгло.

– Легче? – спросил Тихон, глядя на меня спокойно, равнодушно даже.

– Д-да...

Я коснулась горячей щеки.

– Извини.

Кабина вдруг показалась такой маленькой и тесной. А Тихон... что я о нем знаю? Он безобиден... выглядит безобидным и только... он выше меня. И сильнее... и вообще нелюдь... и то, что он был вежлив, ничего не означает. Легко принять вежливость за что-то большее.

– Это ты меня извини, – Тихон потер виски. – Теперь ты поняла, почему твои... предки так ценили нас...

Он оперся о стену кабины. И навис надо мной. И я сама себе показалась вдруг жалкой, ничтожной даже.

– Сила, да? – и голос дрожал.

Тихон кивнул.

– Ты меня убьешь?

Дурной вопрос. Ему ведь не позволят... кто не позволит? Грен? Он, кажется, относится ко мне по-прежнему хорошо, но... подземный народ тоже не любит Старую Империю... и если так, то...

Ричард?

Я его раздражаю. Не настолько, чтобы самому замараться, но и...

Альер и вовсе дух бесплотный.

– Нет. В этом нет смысла, – ответил Тихон, вытирая темную каплю крови, которая выползла из носа.

Если бы он стал уверять, что за время нашего знакомства проникся ко мне теплыми чувствами, я бы не поверила. Но вот смысл... и вправду... Альер ведь знает, наверняка знает про альвов и силу их. И знание это не из числа тайных, а что мне не сказали, так я и не спрашивала.

– Силу из них тянули медленно. Позволяли восстановиться, и снова опустошали, раз за разом, – Тихон запрокинул голову и зажал хрящеватую переносицу пальцами. – А потом, когда становилось очевидно, что источник иссяк, его добивали...

– Прости, я... – я вытерла руку, стараясь избавиться от этого пьянящего тепла, которое еще будоражило кровь. – Я бы никогда... и мне жаль.

Тихон кивнул.

Принял эти бестолковые извинения? Но ведь мне действительно жаль. И я не виновата в том, что делали те другие люди, которые по странному выверту судьбы оказались моими предками.

– Нам в какой-то мере повезло, – Тихон потрогал нос.

Кровотечение унялось.

– Император объявил альвов своей собственностью, – кривоватая усмешка, и ощущение, что за ней скрывается неподобающее альву желание стереть с земли все, что хоть как-то напоминало о тех, былых временах. – Это было унижительно.

Дверь раскрылась.

– Что вы тут? – Грен в кабину уже не влезал.

– Ничего, – ответила я.

– Почти ничего, друг мой, – Тихон вытер руки о грязный комбинезон. – Рассказываю Оливии о некоторых... особенностях взаимодействия между нашими расами.

– А... – задумчиво протянул Грен и головой тряхнул. Над гривой его поднялось золотистое облачко пылицы, которая в солнечном свете сверкала и переливалась таким нимбом. – Тихо лежало шило, да из мешку уплыло.

– Вот именно, друг мой, вот именно... если бы не императорское право, думаю, нас истребили бы за пару лет... а так... мы откупились малой кровью.

Вот только радости это не вызывало.

– Впрочем, – Тихон протянул мне руку, – не стоит опасаться, что сила моя как бы то ни было повлияет на Оливию. Впредь я буду контролировать ее более тщательно.

...а я поостерегусь прикасаться к бессознательным альвам.

Получасом позже я наблюдала, как в зарослях терновника исчезают сапоги бородоча, слушала ворчание Альера и думала, что, похоже, начинаю привыкать к местным нелегким реалиям.

Нет, мне еще икалось.

И слегка мутило.

Но в целом... в целом я чувствовала себя вполне неплохо.

– И копать ты тоже сам собираешься? – ядовито осведомился Альер. – Нет, мой наставник утверждал, что физическое развитие столь же важно, как и интеллектуальное, но все же он имел в виду отнюдь не упражнения с лопатой...

– Чего ты от меня хочешь?

Взмокший Ричард скинул свою куртку и рукава серой рубахи закатал. Он собрал волосы в хвост. Избавился от сумки. И честно говоря с лопатой наперевес выглядел вполне себе гармонично.

– У меня сил не осталось...

– Неужели? – осведомился Альер. – Сила вокруг разлита, и мне удивительно, что некроманта не учили использовать ее...

Ричард засопел.

И нахмурился.

И... смахнув пот со лба, признался.

– Не учили.

– Это я и сам понял... Оливия, деточка моя, – ненавижу, когда Альер начинает говорить снисходительно. – Мне кажется, что тебе на сегодня волнений достаточно, а он вот не откажется от хорошего ужина. Что у нас сегодня на ужин?

– У нас? Лосось с грибной подливой...

И я удалилась. В конце концов, Альер прав: ужина еще никто не отменял.

Ричард присел на пенек.

Мутило.

Духа он отпустил давно, хотя тот в последний миг попытался зацепиться за Ричарда, но силенок не хватило.

– Может, стоит ей сказать? – он вытер потные ладони о штаны.

Снова изгваздался...

И в кармане дыра. Чинит, чинит эти треклятые карманы, а дыры возникают и возникают. И это злит.

– Зачем? – Альер принял облик мальчишки. Он попрыгал по траве и со вздохом признал. – Ничего не ощущаю... некоторые... низшие утверждали, что босиком по траве ходить полезно. Здоровья прибавляется. Презанятное заблуждение, с учетом того, что всех их похоронили в весьма юном возрасте, но... мне любопытно было бы попробовать.

– Я помню о нашем договоре.

– Это хорошо, что помнишь. Некромант с плохой памятью представляет немалую угрозу для общества. А что касается Оливии, то... к чему ее нервировать?

– Осторожней будет.

Ричард вырвал травинку и сунул в зубы. А время-то за полдень перевалило. И надо бы что-то решать...

– Почему она?

Альер пожал плечами и тоже травинку вырвал. Повторяя жест Ричарда сунул ее в рот. Пожевал и выплюнул.

– Из-за крови, верно? И значит, не Ульрих... он знал о твоей гробнице, но не об Оливии... даже если ему сказали, что женщина была, то... женщин он никогда не принимал всерьез. Для него Ливи – моя любовница, то есть, вероятнее всего он подумал бы именно так. А вот тот, кто нанял этих...

Вид покойника нарушал местную идиллию.

Да и прежнего кусты не слишком-то скрывали, все ж, несмотря на колючесть, они оказались недостаточно густыми.

– Этого следовало ожидать. Девочка неосторожно заявила о своих правах... – Альер вытянулся, принимая второе свое обличье, которое Ричарда раздражало несказанно.

Все же рядом с этим совершенством он начинал чувствовать себя ничтожеством.

– Но меня куда больше занимает, как они нашли вас.

– Маячок?

– Возможно... но маячок покажет ваш путь, а не вашу цель...

Ветер шелестел в ветвях. Птички чирикали. Макушку припекало. И от жара, не иначе, мысли в ней бродили самые, что ни на есть поганые.

...два предыдущих городка. Два кладбища, оказавшихся пустыми, и Большие Выти, стоявшие будто в стороне от прочих. Ричард несколько раз собирался вычеркнуть их из списка, да всякий раз останавливался.

И ныне решил потратить пару дней...

Кто об этом знал?

Оливия? Тихон?

Грен?

– Не знаю, – признался Ричард. – Мне неприятно думать об этом.

И дух кивнул.

– Не думай, – великодушно разрешил он. – Точнее не об этом... наблюдай и сам все поймешь...

...альвин работал с защитой октоколесера, и если заклятье сумело ее пробить, то не потому ли, что ему позволено было это?

А Грен дважды писал письма домой, длинные, пространные... и как знать, что было в тех письмах?

Погано.

– Трупы надо убрать, – напомнил Альер. – И так, чтобы следа не осталось. Ты же не хочешь, чтобы наших друзей кто-то да нашел... допросил...

...и в этом вновь же имелся смысл.

– Что ты предлагаешь?

Альер сцепил руки за спиной и, окинув тело придирчивым взглядом, произнес:

– Для начала подними вот этого. Он в неплохом состоянии, пусть соберет отходы... скажем, вот там, – палец призрака указал на заросли. – А потом... и что касается силы, это просто. Подобное стремиться к подобному... закрой глаза и расслабься. Представь ее...

...он был отличным наставником, этот треклятый дух. Пожалуй, лучшим из тех, что были у Ричарда, хотя бы потому, что, несмотря на все насмешки, он не считал эту учебу бессмысленной тратой времени.

Низший?

Пусть так. Альер никогда не забывал упомянуть о том, и Ричард даже по привычке, насколько к подобному вообще можно привыкнуть. Однако требовал дух от него как от равного и... проклятье, это было приятно.

...сосредоточиться.

А ведь с каждым разом все легче...

...он видел силу, что разлилась темною водой... он видел ее и прежде, но отчего же никогда и в голову Ричарду не приходило воспользоваться ею?

Запрет.

И школьный печальный опыт, когда им, самоуверенным подросткам, мнящим себя великими некромантами, позволили собрать вот эту силу, кто сколько сумеет. А после добрейший наставник, сидя у постели Ричарда, отирал пот и тихим голосом рассказывал, как опасна она, дармовая энергия смерти...

...разве Ричард забыл, каково ему было?

Это ощущение сытости, как после хорошего ужина. Обманчивый покой. И желание закрыть глаза.

...многие отключились прямо там, на кладбище.

...были и другие, кто носился среди могил, распевая непотребные песни. А один дурачок и на памятник залез, уселся, вцепившись в медный шпиль руками и ногами, так и висел до самой ночи.

...наутро его забрали в скорбный дом.

...плохо стало далеко не сразу. Ричард еще успел порадоваться, что собственной сдержанности, что уму, благодаря которому не стал брать больше, чем сумел поглотить. Он сам дошел до школы.

И доложил учителю, что задание выполнено.

...тот ведь не слишком-то обрадовался. А ближе к ночи накатило. Сперва тошнота. И озноб. Холодный пот. И ощущение, что руки и ноги отказываются.

Страх.

Этот страх и погнал вниз, в лазарет. По стеночке. По краю. Держась чужими руками. На упрямстве одном...

...той ночью лазарет был переполнен. А учитель... он говорил и говорил... о том, как легко забыться, вообразив себя если не Богом, то равным Ему...

Ричард сглотнул.

– Я... – он вышел из лазарета через десять дней, последним. И учитель видел в том особый знак. – Я не думаю, что это хорошая идея... я уже пробовал.

Дармовая сила стекала в руки.

Нити.

Пряди.

Ручейки... а ведь ее здесь много разлилось. Место удачное, и не первая засада была здесь устроена. Стоит копнуть песок, и многое откроется...

– Что, дурно было? – осведомился Альер.

Ричард кивнул.

...в песке этом костей лежит изрядно, не на одно кладбище. И он с удовольствием примет новые.

– И тебе сказали, что это потому, что человеческое тело не способно выдержать прямой контакт с некротикой?

...те, кто был слабее, болели всего пару часов. А прочие... был еще мальчишка, который три дня метался в бреду, спасаясь от призраков. Ричард слышал его крики. И стоны других.

И еще собственный скулеж, который доносился будто бы со стороны.

Ломота в костях.

Вялые мышцы.

Постоянная жажда, и вода, которую он не способен был проглотить.

– А разве...

– Все зависит от умения, – Альер встал за плечом. – Раскрой ладони. Пусти силу по ним. Представь, что она – вода, которая течет по твоим рукам. Не пытайся ее поглотить... позволь ей самой.

Вода?

Почему бы и нет, черная, что деготь, густая и тяжелая вода. И она ластится, она обнимает ладони... она тянется к собственной Ричарда силе.

Подобное к подобному.

...она шепчет о мертвецах...

...о строителях этой дороги, которых согнали со всех окрестностей. Они работали, покорные Слову Императора и силе смотрящего, а тот не думал жалеть скот. И мертвецы появлялись каждый день. Их тела укладывали в сыпучий грунт, скрепляя дорогу.

...о грозной армии, что шла по этой дороге, не думая ни о чем, кроме славы...

...о вереницах рабов.

...повозках с ранеными, многих просто оставляли, поскольку не было в Империи привычки возиться со слабыми...

...о городке работяг, что возник здесь же...

...о капищах.

...играх.

...и охоте на человека.

Ричард сипло выдохнул.

– Не спеши, – Альер не позволил ему утратить контроль над потоком. – И не принимай все близко к сердцу, иначе надолго тебя не хватит.

– Я слышу их.

– Конечно, слышишь. Скажу тебе больше, при желании ты сможешь прочесть историю каждого, кого угораздило расстаться с жизнью, но подумай, надо ли тебе?

Не надо.

Голова Ричарда и так гудит.

...крики.

...мольбы и проклятья.

Спокойно.

Это было так давно... столетия тому и сила почти развеялась, а вот...

...смута.

...и война... и местные поля видели многое из того, о чем не пишут в учебниках. Если Ричард желает...

...он не желает.

Он позволил потоку соскользнуть с ладоней и уйти в землю.

– Неплохо для низшего, – Альер вступил в черную лужу, и та исчезла. А призрак зажмурился. – Они вечно жалуются... редко кто способен умереть с достоинством. Как самочувствие?

– Пока не знаю.

– С каждым разом будет все легче. Физически, – уточнил дух. – А вот твой разум – исключительно твоя забота...

...будут его еще поучать!

Гнев вспыхнул и погас.

...потом, позже, он оплачет тех, о ком вряд ли лили слезы. И оставит памятью о них хлеб и молоко, как это делали в Старой Империи. Пусть будет Вдова милосердна к потерянным душам.

А он позаботится о телах.

Поднять мертвеца оказалось не так и сложно. Две руны всего – на лбу и напротив сердца, два клейма на ладонях. И сила, наполнившая неподатливое тело. Ричард чувствовал его таким сосудом, трещину в котором наспех заделали руны.

Ненадежно.

Да и разложение началось.

Разум утрачен, но разум и не нужен. Мертвец поднялся, подчиняясь молчаливому приказу. Он был медлителен и неповоротлив, и похож на всех иных восставших.

– Вот так... – Альер стоял рядом. – Материал, конечно, не самый лучший, но для наших целей сойдет.

Мертвец поднял мага за ноги и потянул в кусты. Двигался он медленно, рывками. И подумалось, что между ним и гончей, которая по сути была тоже всецело искусственным созданием, нет ничего общего.

– Аррванты – это высокое искусство, – заметил Альер. – И требует от некроманта не только силы...

...о да, о потерянных знаниях имперцев легенды ходили.

– ... но и небрежливости. А уж совесть как таковая и вовсе лишней будет...

...мертвец, послушный воле воззавшего, улегся рядом с телами.

Совесть?

С ней Ричард потом разберется. А сейчас...

...серый тлен походил на пепел, горсть которого швырнули на мертвецов. И кожа их бледная потемнела, а потом вспыхнула. Тела горели бездымно, медленно, источая весьма характерную вонь, которая, как Ричард надеялся, не долетала до октоколесера.

Он наблюдал за тем, как заклятье уничтожает не только мертвецов, но и одежду их, обувь. Оно разъедало и металл, оставляя нетронутым лишь благородные золото и серебро. Да еще, пожалуй, драгоценные камни оставались неподвластны его силе.

...золото Ричард не тронул, хотя в кучке беловатого пепла обнаружилась его изрядно.

Пускай себе...

Он порывом ветра развеял останки. И только тогда направился к октоколесеру.

Лосось, значит... с грибной подливой.

Тихон сидел на траве, глядя на темнеющее небо. Сумерки летом были прозрачны, пусть и исполнены в желто-багряных тонах. Впрочем, глаза Тихона были закрыты. Следовательно, не закатом он любовался.

– Ты затеял опасную игру, – сказал он, не открывая глаз.

– Я знаю.

– Я не о твоей... идее. Ее я одобряю. Я о твоей сделке с этим... духом, – Тихон поморщился. – Не всякое знание на пользу идет.

...ночью Ричарду снилась дорога. Он махал кайлом, раскалывая серый камень, а потом, изможденный, но еще живой, ложился под этот камень. А сверху, будто не хватало ему тяжести, кружилась Оливия в наряде весьма откровенном...

Наверное, лосось не свежим был.

Глава 4. Некромант и девица в беде

Городок Большие Выти лежал в низине, зажатой между широководной медлительной Шарой и древним лесом. От леса жители, может, и рады были бы избавиться, да только охранялся он особой грамотой, а с Императорским словом шутить опасались.

Впрочем, и от реки, и от леса имелась своя польза. Шарские грязи давно уж обзавелись славой целительных, а потому на пологих топких берегах выстроились с десятков лечебниц, где страждущих обещали избавить от почесухи, лишнего весу, редких волос и угрей на коже, не говоря уж о болезнях куда как более серьезных. При лечебницах открыты были лавки, где местечковые травники и травницы торговали всякого рода сборами, настоями и отварами, порой весьма безумного состава, но...

Был бы спрос.

Спрос был, хотя и не по летнему времени. Несмотря на всю свою целительность, по жаре грязи источали непередаваемую вонь, а потому люди знающие предпочитали править свое здоровье ранним летом либо же по осени.

Я смотрела на городок, такой непередаваемо аккуратный, будто кукольный.

Дома из белого камня.

Красные крыши.

Широкие улочки, мощеные гранитом. Мостовые. Деревца в кадках. И зеленый слегка запылившийся плющ. Городская площадь.

Фонтан.

И узкое, словно башня, здание городской управы, куда Ричард отправился в одиночку. Мы же остановились у фонтана. Огромная чаша покоилась на спинах четырех рыбин вида преотвратительного. Исполнены они были мастерски, а потому на змеевидные, покрытые мелкой чешуей тела и зубастые пасти, смотреть было неприятно.

– Четыре морские мурены – герб семьи Ишшваль, – тихо произнес Альер. – Весьма уважаемое, к слову, семейство... похоже, некогда город принадлежал им.

Над чашей стояла дева, из сложенных ладоней которой текла тонкая струйка воды. Позеленевшее от времени лицо девы было печально, а губы упрямо поджаты, будто даже теперь, спустя столетия, она не желала смириться с участью своей.

Какой?

Статуи?

Я содрогнулась, пытаясь отрешиться от неприятного ощущения. И Гуля, заворчав, ткнулся носом в раскрытую ладонь. А я в который раз подумала, что, возможно, не стоило его в город тащить. Заклятья заклятьями, и выглядел Гуля сейчас как огромный волкодав, но... вдруг да что-то пойдет не так?

Но Ричард настоял.

– А мне о таком рассказывали, – Альер материализовался, но тут же, поморщившись, исчез. – Далековато...

– Что?

– Некромант наш далековато ушел... что он там возится? Был такой скульптор... великий, да... Хадшари Безумец...

Имя не предвещало ничего хорошего. Хотя... вот чем больше я узнаю о той, древней, Империи, тем сильнее убеждаюсь, что нормальных людей там в принципе не было.

– Изначально он работал с камнем, и его скульптуры достойны были Императорского дворца... более того, мой предок объявил всех их своей собственностью...

Голос Альера звучал глухо, будто издали.

– Он платил Хадшари ту цену, которую тот называл... в общем-то, Безумец был из древнего уважаемого рода, а потому в деньгах особо не нуждался, но... правила есть правила...

Вода в чаше заросла ряской, на покрывале которой возлежали белые звезды лотосов.

– ...его интересовало лишь искусство. Он стремился достичь идеала, сотворить из камня то, что природа создавала из плоти. Но что-то там у него не получилось... или, может быть, ему казалось, что не получается...

...ряска расступалась то тут, то там, и из-под нее выглядывали розоватые острова рыбьих спин. Нет, ничего змееобразного, сходного с муренами, обыкновенные карпы, насколько могу судить.

– ...и он решил отыскать свой способ. Если не получается превратить камень в человека, то можно наоборот... он начал свои эксперименты на животных, а потом вот перешел...

Альер вздохнул.

И дыхание это ветерком коснулось щеки.

– Полагаю, эта работа из первых... он оставил ей способность чувствовать...

...печаль?

...обреченность на каменном лице?

...и готовность бороться?

Тонкая лента, обвивающая руки уже не выглядит украшением.

Я с трудом заставила себя отвести взгляд.

– Что с ним случилось? – спросила шепотом.

– С кем? А... с безумцем... однажды он влюбился и так проникся красотой избранницы, что пожелал эту красоту запечатлеть на века...

Зря я спрашивала.

Вот стоило уже усвоить, что Альеру не нужно задавать таких вопросов.

– ...он поднес ей чашу с ядом, и когда она уснула, превратил в статую... Спящая дева... и ее Рыцарь. Он не желал оставаться в этом мире без нее... я видел эту пару. Занятная получилась композиция.

Тьма меня побери...

– А теперь, дорогая моя девочка, я оставлю тебя... похоже, нашему некроманту не помешает помощь...

Гуля заворчал.

Иногда мне казалось, что видит и понимает он больше обычного.

– Я... прогуляюсь? – спросила я уже у пустоты. И сама себе ответила. – Прогуляюсь... что мне еще делать?

И отряхнув капельку с лацкана, я решительно направилась к городской управе. В конце концов, Ричард сам не велел уходить далеко. Значит, уйду близко.

В городской управе Ричарда встретили без особой радости. Квелого вида секретарь соизволил оторвать взгляд от газеты и чашки с утренним кофе, чтобы произнести:

– Мы закрыты.

– Откроетесь, – Ричард продемонстрировал бляху, вот только вид ее на секретаря особого впечатления не произвел. Тот поправил очки в тонюсенькой оправе, отставил мизинчик, на котором блеснуло колечко защитного артефакта, и произнес:

– В услугах некроманта не нуждаемся.

А вот это было уже откровенным хамством.

– Могу я побеседовать с градоправителем? – Ричард сделал глубокий вдох, заставляя себя успокоиться.

– Он занят.

Секретарь вернулся к кофию и газетке.

– А когда освободится?

– Быть может, завтра... или послезавтра... послушайте, милейший, – секретарь отставил хрупкую чашечку и окинул Ричарда неприязненным взглядом, в котором читалось и чувство собственного превосходства, и легкое презрение, и недоумение – как вышло, что этакая, весьма непрезентабельного вида особа смеет отрываться занятых людей. – Вам действительно нечего здесь делать. У нас тихий город... скоро начнется сезон... а появление человека вашей профессии вызовет ненужные слухи. Это плохо скажется на нашей репутации...

– Я по личному делу, – Ричард заставил себя дышать на счет.

Хотелось смахнуть со стола и газетенку, и чашечку эту треклятую с блюдцем вместе, и чернильницу фарфоровую в виде кошечки, и зеркальце, и коробочку с песочком, и сотню иных, весьма важных в секретарском деле, мелочей. А потом вцепиться в горло...

...или взять за шейный платок, шелковый, полосатый, и слегка затянуть кокетливый узел.

А потом повозить ублюдка по столу...

Ричард выдохнул.

И вдохнул.

– По личным делам градоправитель принимает каждую вторую пятницу месяца...

Он издевается?

Вторая пятница была... да три дня тому была.

И можно взять и уйти, здесь нет представительства Гильдии, а городским властям Ричард не подчиняется. Архивы... в Архивы его пустить обязаны, а в случае отказа Ричард имеет полное право действовать так, как сочтет нужным.

Его визит сюда, если разобраться, не более, чем дань вежливости.

– ...по предварительной записи, которая осуществляется сразу после приема граждан, – завершил секретарь и подвинул к себе коробочку со стальными перьями, которые погладил нежно. – Но вы можете изложить ваше дело в письменном виде и тогда...

...Ричард развернулся.

Он почти дошел до двери, когда слух уловил тонкий всхлип. И доносился он не из коридора.

– Пожалуйста... – мольба, прозвучавшая в этом слове, заставила остановиться.

Развернуться.

– Господин Шаннар занят! – к чести его секретарь вполне искренне попытался перегородить дорогу Ричарду. – У него прием...

...а дверь из венесского дуба. Редкость какая. И к магии устойчива, и к стали, этакую с ходу не выломаешь. Впрочем, ломать нужды нет: запирает дверь не стали. И открылась она с полпинка.

– Я стражу вызову! – взвыл секретарь, получив тычок локтем в брюхо.

– Вызывайте, – согласился Ричард, ступая в приемную.

Мягкий ковер темно-зеленого цвета.

Комната огромна.

Резные полуколонны поддерживают сводчатый потолок. А с него свисает каплей хрустальная люстра на дюжину шаров. Свет их приглушен. Окна задернуты плотными портьерами, и потому комната кажется куда большей, нежели она есть на самом деле.

Стол лакированный.

Кресла.

Стульчики резные.

И пара диванов у стенки, аккурат под картинами. Картины, в отличие от массивных рам, были откровенно плохи. Впрочем, вниманием Ричарда завладели не они.

– Что происходит! – градоправитель вскочил с диванчика, поспешно одергивая расстегнутый камзол. – Кархем!

– Простите, лойр Шаннар! Он сам... я говорил, что вы заняты...

Занят.

Бледного вида девушка сжалась в комок и закрыла руками лицо. Ричарду видны были только эти руки, тонкие запястья с алыми следами чужих пальцев.

И еще рыжие волосы.

Узенькие ступни.

Ножка в штопанном чулочке... плечи девушки мелко вздрагивали.

А вот лойр выглядел на редкость уверенным. Он одернул камзол, взбил кружево на рубахе и ледяным тоном осведомился:

– Что вам нужно?

Типичный лойр. Высокий. Тонкий в кости. Обманчиво хрупкий. Одет со вкусом, пусть одежда ныне пребывает в некотором беспорядке. А главное, перстенок на мизинце знакомый.

– И что бы ни было нужно, – лойр Шаннар перстенька коснулся нежно, – мы в ваших услугах не нуждаемся...

– Помочь? – тихий шепот раздался в голове, и Ричард поморщился. После вчерашних упражнений голова ныла тупо и раздражающе.

– ...поэтому мы великодушно прощаем ваше невежество...

Девушка всхлипнула и торопливо подняла опущенный рукав рубашки.

Серенький мышастый жакетик валялся тут же, на полу.

Она тихонечко сползла к краю диванчика, явно намереваясь воспользоваться моментом, но благородные лойры не привыкли отпускать добычу.

– Куда же вы, милая? – ласково поинтересовался лойр Шаннар. – Неужели вы готовы меня покинуть?

– Я...

Девушка слотнула и уставилась на Ричарда зелеными глазищами.

А ведь тоже не из простых. Та же тонкость. Та же хрупкость. И еще, пожалуй, толика нечеловеческой крови, уж больно выразительны эти глаза...

– Согласен, – присоединился Альер. – Квартеронка, не меньше. А в мое время альвы с людьми скрещиваться брезговали... прадед мой пытался вывести породу полукровок, которые обладали бы силой альвов, но те оказались нежизнеспособны.

– ...вы так долго добивались встречи со мной... – лойр смотрел, как краска заливает бледное личико. – Неужели ваша просьба больше не кажется вам такой... важной?

– Я...

– Не беспокойтесь, он сейчас уйдет.

– Уйду, – согласился Ричард и подал девушке руку. – Лойр Шаннар, кажется, верит, что он всемогущ, но при том... чем мне нравится Империя, так незыблемостью некоторых законов.

– Ты слишком пафосен, – заметил Альер. – А что до законов, то не все здесь настолько наивны...

И смех лойра был тому лучшим подтверждением.

Впрочем, этот смех быстро оборвался, когда раздалось такое знакомое:

– Ричард... все в порядке?

Оливия переступила порог. Огляделась.

И нахмурилась. Впрочем, неудовольствие ее было мимолетно.

Твою ж... вот зачем он ее с собой потащил? Надо было всучить альву, пусть бы нянчился, так нет, показалось, что только рядом с Ричардом ей будет безопасно и...

...и кажется, вчерашний контакт с силой не прошел бесследно. Он стал на редкость непоследователен. Сначала взять. Потом оставить... и забыть?

– ...случается, потом привыкнешь, – прошелестел Альер.

– Простите, – лойр Шаннар моментально растерял былую вальяжность. Он и о жертве своей забыл. Встряхнулся.

Легким движением руки привел одежду в порядок.

Позер.

– Я осмелился задержать вашего... знакомого, – легчайшая пауза и удивление, которое лойр позволил себе выразить. – Не зная о том, что вы его ожидаете...

– Ничего страшного, – Оливия ответила кивком.

И руку протянула.

Позволила коснуться ее губами...

...желание врезать ублюдку стало нестерпимым. И Ричард поскреб кулак. А еще покосился на рыженькую, которая передумала убежать и застыла на диванчике. Вид у нее был одновременно исполненный решительности и обреченный.

Стало быть, на подвиг собирается.

– ...и пусть собирается, – проворчал Альер. – Нам ли дело до ее подвигов. Ты лучше посмотри, как этот хлыщ перед нашей девочкой хвост распушил.

Нет уж. Ричард не знает, что этой рыженькой нужно от лойра, но прекрасно понимает: сегодняшнего унижения тот не простит. И если на ком отыграется, то не на Ричарде. Поэтому бросать девочку вот так было бы сущим свинством.

– ...наш город много выиграл от прибытия в него особы столь... достойной, – лойр Шаннар не выпустил руки Оливии. А та не спешила убраться.

Конечно...

...почему-то подумалось, что лойр ей подходит как нельзя лучше.

Красив.

Благороден.

Наверняка из рода древнего, если хватило выкупить этакое милое местечко. И состоятелен... вон, на каждом пальце по драгоценному перстню. На левой руке – массивный браслет, слишком тяжелый и аляповатый для обыкновенного украшения.

– ...распознаватель ядов, – пояснил Альер и не удержался, добавил, – весьма примитивного толка. Полагаться на такой – сущее безумие.

Двойная цепь на груди.

И звезда с пятеркой рубинов. Накопитель?

Одежда тоже хороша. Камзол из лессийского бархата, который был всем хорош, кроме цены. А этот еще и с золотой прошвой. Тончайшее кружево воротника. Бледно-зеленые кюлоты.

Туфли на низком каблуке.

Драгоценная перевязь.

Они бы хорошо смотрелись вдвоем. Пусть сейчас на Оливии и простой костюм из шерсти, но... на ней бы и дерюга смотрелась бы великолепно.

Ричард заставил себя сосредоточиться на важном.

– Идем, – он взял рыженькую под локоть, и та покорно поднялась. А ведь и вправду альвы в предках подгуляли, вон, несмотря на кажущуюся хрупкость, девица оказалась на голову выше самого Ричарда. – Извините, прощаться не буду...

– Конечно, – лойр Шаннар ответил Ричарду очаровательной хищной улыбкой, которой бы Гуля позавидовал. – Не стоит прощаться... я думаю, мы с вами еще встретимся...

И вновь к ручке Оливии приложился.

Руку я вытерла о юбку, стоило покинуть кабинет. И еще раз вытерла. И поинтересовалась у Ричарда:

– У тебя, случайно, платка нет?

– Случайно нет, – огрызнулся он, всецело занятый рыжей девицей пренесчастливого вида. – Свои носить надо...

Свой у меня имелся, но... своего было жаль.

Нет, все-таки до чего омерзительный тип... что там произошло? Хотя... гадать особо нечего. Родовитый господин при немалых чинах. И бедная, судя по одежде, просительница, на беду свою оказавшаяся слишком хорошенькой, чтобы просто от нее отмахнуться.

Сцена ясна.

Но не ясно, что Ричард с этой, спасенной, делать собирается.

– С-спасибо, – сказала девица, когда Ричард протянул ей платок.

А мне вот отказал.

Ни стыда, ни совести... я ж эти платки, между прочим, стирала... то есть, не совсем я, а очередное сооружение Тихона, в котором грязное белье самоочищалось посредством магии и воды. Но это не столь важно. Главное, что я получила возможность рассмотреть спасенную Ричардом деву.

И вот...

...она мне не понравилась.

Совсем.

Нет, дева была как и полагается, хрупка, нежна и с виду невинна, как ромашка полевая. Узкое личико с правильными чертами. Кожа белая, светящаяся изнутри, как бывает у рыжих, очи зеленые в пол лица.

Губки дрожат.

Подбородок тоже... шея лебяжья.

Фигурка точеная.

И главное, что костюм лишь подчеркивает хрупкость ее...

– Вы... вы... – она вздохнула и пустила слезинку.

Две.

Гармоничные такие, скатившиеся по щекам.

– Если... если бы не вы... я бы... – тонкие пальчики комкали несчастный платок, который девица прикладывала то к правому, то к левому глазу.

Чулочки темные.

Юбка узкая, на две ладони ниже колен.

Туфли старые, но на устойчивом каблучке... с ее-то ростом.

– А еще она маг, – заметил Альер невзначай. – Слабенький, но все же... посмотри...

И сделал что-то, отчего над девицей всколыхнулось лиловое марево, будто в рой мош-кары попала. Я моргнула, и мошкара исчезла. А неприязнь осталась. И чего эта, внезапно спасенная, так жметя к Ричарду? А тот, растративши обычную свою мрачность, по руке гладит, шепчет что-то... утешает?

Про нас будто и забыли.

Я коснулась ошейника, и Гуля заворчал. Ему, похоже, эта красавица тоже не по нраву пришлась? Но... кто мы такие, чтобы нас слушать?

...ее звали Арваниэль, в память об альвийке-бабушке, некогда потерявшей голову от любви к человеку. Из-за него, простого лойра, не отличавшегося ни родовитостью, ни знатностью, она покинула заветный лес, отреклась от немногочисленной альвийской родни и даже, вот чудо, родила дитя.

Матушка Арваниэль уродилась красавицей, что, впрочем, никак не помогло ей в жизни. Она рано вышла замуж, по большой любви, само собой, хотя могла бы составить выгодную партию. Но сердцу не прикажешь. Сердце это готово было смириться и с бедностью избран-

ника, и с дурными привычками его, которые, отчего-то, не спешили исцеляться любовью, но напротив, год от года становились все гаже.

Он пил.

Играл.

И проигрывал.

Нет, не всегда, ибо был довольно-таки умел, а потому удавалось держать хлипкое суденышко семейной жизни своей на плаву.

Матушка ушла, когда Арваниэль было семнадцать, оставив на попечение старшей дочери двух юных сестер. К этому времени бабка, разочаровавшись то ли в любви, то ли в людях, давно уж вернулась к альвийской родне, дед, не пережив такого предательства, слег, и данное обстоятельство позволило отцу распорядиться всеми малыми финансами.

Ничего хорошего из этого не вышло.

Даже то, что прожил он лишь год после смерти матушки, не спасло те жалкие крохи, которые еще оставались у семьи. Нет, Ниэль пыталась что-то сделать...

Она продала чудом уцелевшие драгоценности, правда, дали за них сущие гроши, но и их хватило, чтобы ненадолго расплатиться с кредиторами.

– Мы... – она говорила тихо, глядя исключительно в пол, и от шепота этого у меня по спине мурашки бежали. Причем вовсе не от сочувствия. – Мы... решили... что попытаемся сами... кур завели... и еще поросят. Коз... доили и продавали молоко...

Я развернулась и тихо выскользнула из гостиной. Нет, помощь ближнего помощью, но зачем было ее сюда тащить? Гуля нырнул под руку, наклонил голову, подставляя хрящеватое ухо.

– Я стала слишком эгоистичной? – спросила я тихо.

Надо же, а никто и не заметил моего ухода. Грен подливает гостю чай. Тихон медитирует над собственной кружкой, в ней силясь разглядеть наше будущее.

Ричард по-прежнему за ручку держится.

Идиот.

Я фыркнула и, дернув Гулю, сказала:

– Но ведь чушь же!

– Полагаешь? – Альер возник передо мной. – Неужели в сердце твоём нет ни капли сочувствия?

Нет.

Я хорошо искала.

И сочувствие в том числе, но... вот хоть убейте, не была эта девица похожа на страдающую фермершу. Ручки вон чистые, гладкие. И конечно, можно представить, что с козами и курами не сама она возится, но...

Ощущение фальши не уходило.

– Какая разница, – я потянула Гулю за собой. Прогулка по городу отменилась, но это еще не значит, что я должна сидеть в четырех стенах. – Просто... не знаю...

...я присела на ступеньки.

День.

Солнце круглое, яркое, висит над городской стеной, точнее над остатками ее. Некогда высокая, ныне она частью осыпалась, частью была поглощена все теми же бело-кукольными домишками. Они поднимались один над другим, слипаясь стенами, соединяясь арками и образуя удивительнейший узор.

Жаль, отсюда не видно людей.

А вот улочки блестят фальшивой позолотой камня. И краешек реки виден, темно-зеленой, будто из камня высеченной.

Я сидела долго.

Думала... нет, не думала, просто смотрела, дышала и представляла себя на этих вот золоченых улочках, в наряде курортном, чтобы юбка пышная в узкую полоску, воротничок отложной. Рукава с лентами и всенепременная шляпка из соломки.

Какой курорт без соломенной шляпки?

Гуля, чью шкуру я почесывала, блаженно жмурился. И в этот миг нам не нужен был... а никто не нужен был. Но ничто хорошее не могло длиться вечно. И когда за спиной раздался шаг, я поинтересовалась:

– Всех утешил?

– А тебе-то что? – Ричард сел рядом.

– Ничего... совершенно ничего... а ты не забыл, что еще вчера нас пытались убить?

– Не забыл. Она не похожа на убийцу...

– А все убийцы похожи на убийц?

Альер рассмеялся, но как-то... не зло? Он просто держался рядом, не мешаясь в разговор, и за это я была ему благодарна.

– Ты просто ревнуешь, – сказал Ричард с чувством глубокого удовлетворения.

– Кого? Тебя?

Он фыркнул.

– Это просто девушка... ей нужна помощь... она осталась одна, Оливия... и вынуждена была просить этого...

А кулаки-то сжал.

И странно, что во мне нет той же ярости, хотя никогда не любила насильников. Неужели я и вправду успела очерстветь душой? И поэтому не испытываю к несчастной Ниэль ни капли сочувствия?

– А ты не думал, что твои... друзья, – мне всегда было сложно говорить о подобных вещах, которые вроде бы как меня напрямую не касались. – Поняв, что засада не удалась, не рискнули бы сыграть иначе?

Ричард ничего не сказал.

Он разозлился. Я это шкурой почувствовала, но все-таки...

– Мы будем присматривать за ней, Оливия... и все-таки ты не права.

Пусть так, но... да, я тоже буду присматривать за ней.

– Сейчас ты куда собираешься? – я сочла за лучшее сменить тему. В конце концов, на этой рыжей свет клином не сошелся.

Глава 5. Некромант и некромант

...на кладбище.

Куда еще может собираться некромант на ночь глядя? Что-то да подсказывало Ричарду, что в городке этом, несмотря на благостность его кажущуюся, задерживаться не стоит. И потому чем раньше он проверит свою догадку, тем быстрее отсюда уберется.

Вечерело.

И по-хорошему, стоило бы дождаться утра, но... Ричард потер зудящую руку о колено. Нет уж, с лойра Шаннара станется придумать какую-нибудь гадость.

Он высыпал содержимое сумки на траву и принялся перебирать склянки.

...восстанавливающий настой почти закончился.

...и «Слезу» стоило бы свежую приготовить, а то осадочек появился, еще немного и совсем потемнеет, тогда только вылить.

...амулеты опять же...

Он сосредоточенно перебирал их, хотя особой нужды в том не было. Ричард и без того прекрасно знал, что у него имеется и чего ему не хватает. Но работа отвлекала от неприятных мыслей.

Оливия была права?

Или не права?

Ниэль... не стоило приводить в дом малознакомую девицу, но... не выгонять же ее теперь?

– Может... – Оливия подала крыло горной летучей мыши, оплетенное русалочьим волосом. Водоросль эта сама по себе особыми свойствами не обладала, но вот в сочетании с парой-тройкой трав проявляла интересные свойства. – Может, мне с тобой пойти?

– Зачем? – искренне удивился Ричард.

– Просто... на всякий случай, а то... – она вздохнула и призналась. – Непокойно мне как-то...

– На кладбище спокойней не станет.

Он сгреб амулеты в кучу. Взять ее... не было печали... нет, в тот раз Оливия, конечно, помогла, более того, не будь ее, и Ричарда бы не стала, но это скорее исключение.

Сейчас он будет осторожен.

Очень осторожен.

Да и... случись что с ней, Ричард себе не простит.

– Не надо, – он поднялся. – Ты лучше за ней вот пригляди, а то...

Собственно, кладбищ в Больших Вытях было два. Одно – относительно новое, не разменявшее и третьей сотни лет, располагалось на небольшом холме в восточной части города. Было оно относительно невелико и вид имело именно такой, какой и полагалось обыкновенному провинциальному кладбищу. Невысокая ограда, заговоренная, к слову, на совесть – пусть и был лойр Шаннар редкостным ублюдком, но, судя по плетению, ублюдком знающим свою работу и одаренным Богами щедро.

Теснились у ограды могилки бедняков, часто наползая одна на другую, и потому выставленные на них кресты цеплялись друг за друга, создавая причудливую сеть из холодного металла.

Ближе к центру могилы становились роскошней.

Кресты сменялись гранитными глыбинами, на которых любящие или не очень любящие, но общественного мнения опасующиеся родичи высекали положенные случаем слова. Появлялись оградки и кадки с цветами. Порой встречались и лавочки.

В самом центре белыми горбами возвышались мавзолеи.

В общем, ничего интересного.

Ричард прошелся вдоль и поперек, но и тени беспокойства не почувствовал. Кладбище было до того благостным, что хоть пикники устраивай.

А вот у ограды его встретили.

– Мне почему-то подумалось, что вы сюда заглянете, – заметил лойр Шаннар, сбивая с лацкана невидимую пылинку. – Чтобы некромант да мимо чужого кладбища прошел...

– Чем могу быть полезен?

Солнце медленно сползло к западу, и пусть дни летом длинны, но все равно не стоило тратить время попусту. И надо было сразу идти к старому, но нет, любопытство помешало.

– Это мне хотелось бы понять, чем я могу быть полезен. А заодно уж принести извинения за то, что первая наша встреча прошла... скажем так, не слишком удачно.

Извинения?

Этот?

Хотя... не стоит воспринимать всерьез то, что сказано сугубо из вежливости.

– Боюсь, у вас сложилось обо мне несколько превратное впечатление... – лойр Шаннар ступил на дорожку из желтого гравия.

Дорожки были узкими.

И чистыми.

Да и сами могилы... ни одной заброшенной, а значит, за кладбищем неплохо следят.

– Я был несколько раздосадован вашим... неуместным вторжением, но после сообразил, что вы могли подумать...

От него пахло цветами. Не резкий аромат, женственный, но не сказать, чтобы вовсе уж женский.

И наряд сменить успел. Оно и верно, в бархатных камзолах на кладбище неудобно. А куртка пусть и глядится нарочито простой, но вот шитье это серебряной нитью Ричард узнает.

И шита она, наверняка, не из телячьей кожи.

Перевязь.

Пара клинков, судя по затертым рукояткам из родовых, а значит, стоящих куда больше, нежели все золотые побрякушки, от которых лойр Шаннар не стал избавляться.

– Как мне кажется, понять превратно вас было сложно, – Ричард положил руку на эфес сабли.

Может, и не потертая, и не родовая, но вряд ли у этого хлыща сыщется нечто подобное. И мысль эта грела. Все ж Ричард, как ни крути, был довольно честолюбив.

– Отнюдь... – его разглядывали с живейшим любопытством. – Вот, скажем, представьте... некая особа крайне настойчиво пытается добиться встречи с вами по вопросу в сущности пустяковому... помнится, я ставил визу на ее ходатайстве, поэтому у нее не было ни малейшего повода искать новой встречи. Однако же...

– Мне мало интересно...

– А мне вот наоборот, – лойр Шаннар сложил руки за спиной.

Он явно намеревался составить компанию, не зависимо от того, что по этому поводу думал Ричард. И что? Возвращаться? Отступить от планов своих Ричард не любил, а поэтому, оказавшись за оградой, направился именно туда, куда и собирался изначально.

Второе кладбище, которое стоило бы именовать первым в силу древности его, находилось в старой части города, что было вполне логично. Двойное кольцо вязов.

Кирпичная стена новой кладки.

И заклятье, вплетенное в серый раствор. К слову, обновляли это заклятье не так давно.

– ...и вот представьте мое удивление, когда ныне утром я имел счастье лицезреть сию юную особу в своей приемной... – лойр Шаннар держался рядом с видом пренебрежимым. – Она сказала, что явилась лично выразить свою мне благодарность.

– А вы взяли и согласились принять.

Ворота имелись.

Чугунные.

Обвитые двойной цепью и снабженные помимо внушительного вида замка, еще и запором. И значит, придется-таки побеседовать с любезным лойром, без разрешения которого, надо полагать, ворота не откроют.

– Я не скажу, что подобное случается так уж часто, – лойр Шаннар пожал плечами, – но бывает... видите ли, я имею... некоторую слабость к особам юным и миловидным. Скажу больше, в виду этой слабости я, несмотря на чаяния моего отца и старания деда, и оказался здесь...

Ричард подергал замок и отступил.

А может, ну его?

По стене тоже взобраться можно. Мешаться лойр Шаннар не станет, поскольку имперским законом проникать на кладбища не запрещено, сколь бы странный способ проникновения не был избран.

– ...справедливости ради, я никого и никогда не принуждал. Я молод. Хорош собой. Родовит. Состоятелен. Не жаден...

– Еще немного, и я сам вами очаруюсь, – проворчал Ричард, подергав массивный стебель плюща.

Выдержит вес?

– Что вы, не стоит, – отмахнулся лойр Шаннар. – Вам открыть?

– Был бы весьма признателен...

– Пустяк... и признательность свою, умоляю, при себе держите...

Он извлек из связки золотой дребедени массивный ключ.

– Почему-то люди в большинстве своем склонны меня недооценивать. Не то, чтобы это так уж печалило...

...ключ повернулся легко.

И замок железным яблочком упал на ладонь Ричарда.

– ...но обидно, когда тебя принимают за идиота. Так о чем я? Ах да... в общем-то случилось в моей жизни встречать особ, которые жаждали знакомства близкого, ища в том для себя определенную выгоду.

Лойр Шаннар сам поместил золотую бляху амулета на переплетение прутьев. И защита засияла бледно-синим цветом.

– ...нет ничего дурного, если особа юная и милая желает продать свою юность по сходной цене... а наша недавняя... знакомая была весьма собой хороша. Полагаю, вы оценили всю ее хрупкую прелесть? Полагаю, она и в столице имела бы успех, что уж говорить о нашей провинции. И озвученные ею условия показались мне вполне приемлемыми. Дом... содержание достойное... и три тысячи на счет ежемесячно. Я бы сказал, что она себя недооценила.

– Что? – Ричард толкнул тяжелую створку.

И остановился.

Дом? Три тысячи... и выходит, что он...

– Извинитесь позже. Я пришел к выводу, что на вашем месте вел бы себя куда более... несдержанно. Не люблю насильников, но... тогда мне показалось, что мы с милейшей Ноэль пришли к взаимовыгодному соглашению. Одного не могу понять, – он слегка нахмурился, и выражение досады на его лице нисколько не испортило этого самого лица. – Как мы оказались на том диване... поверьте, я не имею обыкновения использовать свой кабинет в качестве места для свиданий.

За первой оградой обнаружилась и вторая, сложенная из темно-зеленого камня. Некогда, надо думать, выглядела она весьма внушительно, но за столетия без ремонта камень потуск-

нел, а местами и обвалился. Здешние ворота засовов не имели, открылись они от легчайшего прикосновения.

– Будто наваждение какое-то, – признался лойр Шаннар, озираясь с немалым интересом. – И вот представьте мое состояние... несколько взвинченное... еще недавно она была не против... весьма не против... и тут вдруг начинает вырываться... но так, будто бы не всерьез... этакая игра...

– Зачем вы мне это рассказываете?

Ричард втянул воздух.

Пахло...

Нехорошо.

Нет, на старых кладбищах дух стоит особый. Земли, что не пересыхает в самую сильную жару. Травы. И деревья. Камня... древние надгробия затянуло желто-зеленым лишайником, будто шали цветастые расписные накинули, скрывая от излишне любопытных глаз имена тех, кому судьба была лечь в эту землю.

И земля-то сама под ногами пружинит.

Что искать?

Где?

– Затем... допустим, что мне неприятна сама эта ситуация в целом. И слухи, которые могут пойти...

– Я не склонен распускать слухи.

– Это радует... к слову, что вам здесь понадобилось?

– Сам не знаю, – вполне искренне ответил Ричард.

...могло ли быть так, как...

...благородный лойр и бедная сирота...

...слово против слова... и сирота выглядела вполне убедительной... а этот... ему-то зачем оправдываться.

– Это во-первых было, – уточнил лойр Шаннар, останавливаясь у массивного надгробия. На темной плите поблескивали серебряные накладки.

Звезды.

И пара перекрещенных посохов.

Чаша целителя...

– А во-вторых, мне показалось, что это представление было сыграно для единственного зрителя, который к нему не остался безучастен.

– И что ей нужно от меня?

...или не от Ричарда?

– Неужели начинаешь думать? – прошелестел знакомый голос. – А мне уж показалось, что ты напрочь эту способность утратил... все же особи твоего уровня развития донельзя примитивны.

– Заткнись!

– Простите? – лойр Шаннар опустил на корточки, разглядывая резные малахитовые вазы, в которых и по сей день стояли резные же каменные розы, исполненные с удивительным мастерством.

– Это не вам...

– Не так давно со мной связался старый знакомый... не мой, но моего батюшки, отношения с которым у меня не самые простые, но я в достаточной мере утомился этим городишком, чтобы искать путей к примирению. И потому к просьбе я отнесся со всем возможным вниманием... а состояла она в том, что, если вдруг забредет в мои владения некий вольный некромант, оказать ему всяческое содействие...

Он коснулся пальцами хрупких лепестков.

– Не советую ничего трогать...

– Да я понимаю... признаюсь, просьба меня несколько озадачила... все же прежде друзья отца не проявляли такой трогательной заботы о... скажем, людях вашего происхождения.

– А что не так с моим происхождением?

– Все так... наверное... я взял на себя смелость навести некоторые справки. Вас не любят. Тоже новость.

Но вот вопросы эти наверняка привлекут внимание, если уже не привлекли.

...на небе появились алые всполохи.

– Ваши однокурсники полагают вас весьма... предприимчивой личностью.

– Лестно.

Ричард направился по дорожке, что вела в центр кладбища.

А тишина-то какая... на всех уровнях. Ни упырей, ни гулей, ни прочей мелкой кладбищенской нечисти, способной испоганить настрой.

– ...сам факт, что вам удалось поступить в Академию, говорит о вашей немалой силе. А уж то, что вам удалось ее окончить...

– Вы меня сватаете?

– А похоже?

...гранитные стеллы. Массивные надгробия из розового мрамора, который будто светился изнутри. И темная гора храма, куда, пожалуй, стоило бы заглянуть.

Ричард лишь надеялся, что переживет эту встречу с богами.

...а ведь на прошлых двух храмов не было. И можно ли это считать еще одним фактором выбора? Если так, то он сумеет еще немного сократить список.

– Кстати, мне, пожалуй, стоит поблагодарить вас за эту прогулку... сам я не настолько любопытен, чтобы без особой надобности совать нос в места столь... одиозные, – лойр Шаннар подобрался.

И руку на клинок положил.

Чует неладное?

– Слишком спокойно, – сказал Ричард.

– Да, пожалуй... так должно быть?

– Не знаю, – в конце концов, два некроманта порой лучше, чем один. – Всякий раз... иначе.

– И на многих вы бывали?

– С десятков... их не трогают. Даже в глухих деревнях, где нет ни забора, ни защиты. Видимой защиты. Храмы стоят. Кладбища опять же... – Ричард остановился, прислушиваясь к ощущениям.

Могилы остались позади, сменившись склепами.

Белый мрамор.

Золото.

И стекло.

Столетия прошли, а эти цапли будто только что замерли в удивительном танце. Изогнутые шеи. Длинные острые клювы, крылья полураскрытые, и несмотря на полупрозрачность их, можно различить каждое перо.

Лойр Шаннар остановился перед этой парой.

– Интересно... мой отец большой ценитель всякого рода редкостей... как мне кажется, это ему бы понравилось. Но с другой стороны здравый смысл подсказывает, что трогать их – не самая лучшая идея.

– Я бы вообще советовал руки при себе держать.

– Что ж, – лойр Шаннар поклонился, – пожалуй, приму ваш совет. Так что мы ищем?

– Мы?

– Мне же вменяется оказывать вам всяческое содействие, вот я и пытаюсь в силу скромных моих способностей...

...стены храма заросли мхом. Плотным. Пушистым. Какого-то неестественно-зеленого оттенка, будто это и не мох вовсе, но драгоценный ковер, который имперские умельцы прикрепили на валуны, сиюсь их облагородить.

Впрочем, на том украшения и заканчивались.

Этот храм, пожалуй, был самым старым из всех, виденных Ричардом прежде. Он походил на башню. Толстые стены. Узенькие оконца, больше похожие на бойницы. И крыша из темного дерева.

Массивная дверь, окованная железом.

И ни следа ржавчины.

Засов и тот скользнул легко, будто Ричард ждали здесь.

– Может и ждали, – произнес Альер и добавил. – От меня здесь помощи не жди. Боги... не любят, когда кто-то вмешивается в их игру.

– А я, значит, игрок?

– Не переоценивай себя, – теперь Альер был предельно серьезен. – Ты не игрок. Ты кукла. В лучшем случае...

Занятная перспектива.

– Мы пойдем внутрь? – лойр Шаннар сделал вид, что ничего особенного не происходит. Хотя... может, ему и прежде случалось встречаться с людьми, которые имеют обыкновение разговаривать сами с собой.

– Я – да... а вас бы попросил остаться.

– Почему?

Он и в самом деле не понимает? А ведь не понимает. Не чувствует давящий силы этого места. Присутствия тех, кто давным давно считается легендой.

– Потому что внутри может быть не безопасно и... просто поверьте, там нет ничего, что стоило бы вашего внимания...

...кроме одной маленькой вещицы, которая нужна Ричарду. А он уже почти не сомневался, что вещица эта где-то здесь.

Дверь отворилась беззвучно.

Пахло пылью и застоявшимся воздухом. Теплом. Пожалуй, еще пеплом, пылинки которого прилипла к губе, заставив эту губу облизать.

Горько.

И в голове зашумело. Навалилось всей тяжестью божественное внимание. И Ричард поклонился, потому что так было правильно.

– Приветствую Вас в доме вашем, – сказал он, стиснув зубы.

Накатывало.

Волнами.

Сонное удивление. Любопытство. Гнев затаенный, который причинял почти физическую боль. И еще предвкушение игры.

Ну уж нет. Играть с богами он воздержится.

– Знаете... – лойр Шаннар, вытянув шею, силился рассмотреть хоть что-то в темном проеме. – Не скажу, что я труслив, но... что-то мне подсказывает, что заходить туда – не лучшая идея...

– Согласен.

– Но и отпустить вас одного с моей стороны было бы по меньшей мере неразумно...

– А по большей?

Все эти разговоры – не более чем жалкая попытка оттянуть неизбежное.

– Непорядочно... а я, что бы вы ни думали, не последняя сволочь. Да и кто поможет некроманту, как не другой некромант? – он решительно положил ладони на рукояти клинков.

– А вот за оружие хвататься не стоит. И... не соглашайтесь.

– На что?

– А что бы вам ни предложили, не соглашайтесь. Это боги... и они любят играть.

Тишина.

Мертвенная.

Или нет?

Где-то высоко, под самой крышей, будто птичья тень мелькнула. Но откуда здесь птицам взяться? Или вот звонко упала капля воды...

И нет, не темнота – благородный полумрак, который вуалью скрывает трещины стен. Пыль. И древность стягов. Перекрещенные копьа. Узкие бархатные полотнища, на которых не потускнела золотое шитье. Альковы и статуи, в них белеющие.

Они выглядят грубыми.

Некрасивыми даже.

И вытесаны будто на скорую руку, но все одно Ричард не способен отделаться от ощущения, что они живы. И стоит прислушаться, как...

...шепот.

...шелест.

...упрямый мальчик... какой забавный... думает, что у него получится...

...камень алтарный черен. И белеет костяной нож, зажатый в руке мертвеца. Он, последний из жрецов Старой Империи, принял смерть здесь же. И судя по тому, что Ричард видел, смерть эта была страшна.

Ключья одежды.

И темно на них – кровь? Не истлела... пролилась мимо алтаря и была принята богами с благодарностью, если, конечно, боги могут испытывать благодарность по отношению к людям.

– А здесь красиво...

...вывернутые руки.

Сломанные голени. Кости раздроблены, будто били по ним чем-то тяжелым... а вот и видно, молот бросили у алтаря, и судя по виду, по черной полированной рукояти, украшенной вязью символов, молот был местным, храмовым.

Опаленная голова...

Ребра смяты.

Его смерть была тяжелой, и интересно, облегчили ли боги, которым он служил, муку?

...но почему, убив жреца, они не посмели тронуть сам храм? Золотые канделябры возвышались по обе стороны алтаря.

И корона, украшенная крупными кабошонами, валялась на полу... кольца... браслеты... полная доверху благодарственная корзина.

– Не трогай, – предупредил Ричард. И лойр Шаннар тихо огрызнулся:

– Не дурак... что ты ищешь?

Если бы Ричард знал.

...ищи, мальчик. Если ты умен, то сообразишь.

...нет, статуи не то... они не посмели бы оскорбить богов, превращая изображение их в тайник. Хотя, пожалуй, тайника лучше невозможно было бы придумать.

Могилы?

Скрытые имеются. На рассвете Старой Империи мертвецов, сколь Ричард помнил, хоронили в подвалах храмов. И где-то да сыщется плиты, отмеченные именами.

...нет, сомнительно, чтобы там. Поднимать плиты, лезть под землю... все ж храм древний и вряд ли стерпел бы такое глумление.

Все должно быть проще.

Смешок.

И снова тень.

...невежливо приходить в чужой дом без подарков. Или Ричард забыл, как надлежит приветствовать старых богов?

Он усмехнулся.

И подошел к алтарю. Камень сиял, гладкий и полупрозрачный, словно и не камень, но стекло из которого сотворили тех цапель. Ричард достал из сумки краюху хлеба и с поклоном возложил на алтарь.

– Примите сей скромный дар в знак моего почтения...

Хлеб вспыхнул, едва коснувшись камня, и полупрозрачное пламя дыгнуло жаром, потянулось к самому Ричарду, но не тронуло.

...ребенок рассмеялся.

Напугали некроманта... горячо и холодно. Помнишь?

– Помню, – ответил Ричард и положил пару леденцов. – Это тебе...

Дети любят сладкое, даже если они боги. И вновь пламя, на сей раз глубокого синего оттенка. Вздых, в котором послышался упрек. И теплое прикосновение к волосам, заставившее зажмуриться. Но худого не произошло, наоборот...

Легче стало.

Будто исчез тот ледяной ком в груди, который остался после встречи с проклятой гончей. И не только он. Истаяли прошлые обиды. И шрамы растворились. И...

Что это?

– ...благословение Матери, – отозвался Альер, воплощаясь.

Лойр Шаннар, стоявший рядом, удивленно приподнял бровь.

На алтарь легла резная заколка, простенькая, но Ричард сам ее вырезал, оставалось надеяться, что Богиня не сочтет дар слишком уж простым.

Он вспыхнул.

...не сочла.

...ей приносили всякое, сперва – цветы и хлеба, и еще спелые колосья, с которых просыпалось зерно. Ленты... ткани драгоценные... золото и кровь.

Она принимала, не обижая никого, но дети ее беспокойные не желали понять, что важен лишь сам акт дарения, и соревновались меж собой в том, кто более роскошный предложит. Она уж забыла, когда на алтарь лег первый человек...

...пускай... его она тоже приняла...

...как и других.

– Мне нечего вам дать, Боги, – Альер ныне походил на того, кем и являлся раньше: ребенка. Растерянного.

Обиженного.

И желающего вернуться в жизнь.

– Я даже не могу обещать, что однажды вернусь к вам с дарами, достойными вас, ибо не уверен, что возможно подобное... но все ж дерзну обратиться с просьбой.

– погоди, – лойр Шаннар стянул с руки пару перстней. – Не уверен, достойно ли это богов, но раз уж так, то прошу принять сей дар от меня и... этого... гм, призрака...

– Я дух, неуч! – возмутился Альер.

Кольца полыхнули белым.

Маг был рад. Ему давно не приносили ничего, наделенного силой. А эти камни, пусть и довольно примитивные, были полны.

Просьба не была произнесена, но была услышана.

Да, то, что Ричард ищет, находится здесь.

Не под землей.

Не под сводчатым потолком. Да и стены древние, пусть и хранят изрядно тайн, но иного, бесполезного для Ричарда свойства. Нет, все на самом деле просто.

Надо прислушаться.

Присмотреться.

...нити.

...темно-синие, толстые, что плющ, расползлись по стенам, за эти стены цепляясь.

Бледно-голубые.

И алые.

Желтые.

Белые.

Изнутри храм походил на радугу, но... не то, все не то... мертвец и тот сиял бледной зеленью мученической смерти. И значит, душе его не было позволено обрести покой.

– Осторожней, – Альер ступал по камням, старательно обходя пересечения нитей, и по тому со стороны его движения походили на престранный танец. – Не все духи одинаково доброжелательны...

Мертвеца тревожить Ричард не станет.

Да и нити... нити – не совсем то, что нужно.

Он попытался вспомнить ту, первую монету.

...заклятье отвода глаз.

...и сокрытия ауры.

Ричард знает, как разрушить и то, и другое.

– Знаешь, не хочу никого обижать, – шепотом произнес лойр Шаннар. – Но с каждой минутой мне нравится здесь все меньше...

– Можешь уйти...

...дверь беззвучно закрылась.

– Не можешь, – философски заметил Ричард и с трудом удержался, чтобы не добавить, что он предупреждал.

Заклятье распустилось на ладони призрачным цветком. Это было даже красиво, а еще означало, что храм насыщен магией до предела, и любое вмешательство чревато.

...сообразительный мальш, да...

...подсказок не будет. Он и без того благословлен...

...и выдержки хватит... и силы... тем паче, что их двое.

...трое. Бесплотный не в счет.

...он нашей крови.

...все они нашей крови, кто-то больше, кто-то меньше. Разница не существенна, особенно теперь... а бесплотным не место в мире человеческом. И по-хорошему, стоило бы развеять его...

– Нет, – произнес Ричард, облизывая губы. – Без него я не справлюсь...

...и понял, что богам не было никакого дела до того, справится ли Ричард. Мир... мир был до их прихода, остался и после... и даже когда сама память о Старых богах исчезнет, как исчезнут и храмы – ничто не вечно – мир останется. Так стоит ли сожалеть о том, чему суждено произойти?

– Пожалуйста, – он только и мог, что просить.

– Ты бы поторопился, – клинки беззвучно покинули ножны. И лойр Шаннар окончательно скинул образ недалекого повесы. Он двигался плавно, легко...

Не легче теней, что скользили под крышей.

Все не так просто.

Но никто ведь не обещал Ричарду, что будет просто.

Глава 6. Леди и змеи

Мне было тревожно.

Нет, нынешняя тревога имела мало общего с той, что заставила меня броситься на помощь Ричарду. Меня не тянуло бросить все и бежать, скорее уж...

Не знаю.

Словно комар невидимый над ухом зудел. А я все пыталась отрешиться от этого зудения и... и не выходило.

– А... – Ноэль скорбной статуей замерла в углу комнаты. – А вы... простите... давно здесь?

И ресницами хлопнула.

– Давно, – ответила я, мило улыбнувшись. В конце концов, о манерах забывать не стоит.

Нет, это не ревность, отнюдь... кого мне ревновать? Грена, проникшегося историей бедняжки до глубины своей души? Тихона, которого рассказ то ли тронул, то ли нет – поди-ка, разберись в эмоциях альва. Его в любом случае гораздо больше интересовал его октаколесер, в котором после нападения что-то там повредилось и требовало немедленной починки.

– Простите... – Ноэль старательно покраснела. – Я вам... давайте, я вам помогу!

– Зачем?

Порядок, однажды установившийся, поддерживать несложно, особенно, если помимо приобрести пару бытовых амулетов и одну книгу по основам магии для домохозяек. Полезнейшее, к слову, чтение.

Камень-пылеед был заполнен лишь на треть.

Серебро я почистила еще три дня тому.

Фарфор восстановила... то есть, что уцелело после первых трех попыток, восстановила... грязная одежда чистилась. Чистая, сложенная аккуратной горкой, ждала осмотра на предмет починки.

Ужин...

Ужин еще предстояло готовить, но в этом деле я помощников не любила.

– Мне... мне так неудобно, – вздохнула Ноэль, заламывая хрупкие ручки.

Переигрывает однако.

– Что неудобно?

А прежде я за собой этакой язвительности не замечала. Напротив, мне всегда и всех было жаль, и порой эта жалость переходила все разумные пределы.

Так что же изменилось?

Тревога.

Тот самый комар над ухом, который и не думал исчезать, но звенел, звенел...

– Все, – глаза Ноэль нехорошо блеснули. Однако... она и вправду надеялась, что я проникнусь, как и остальные...

– А вам домой не надо? – поинтересовалась я, взвешивая кусок отличнейшей вырезки.

Запечь? Или извратиться и сделать мясные рулетики? К примеру, с начинкой из местного острого сыра, орехов и зелени? А к ним запеченный картофель и свежий салат... свежий не получится, поскольку до рынка мы так и не добрались, но...

– Боюсь, – горестно вздохнула Ноэль, прижимая к груди руки. – Теперь мне нельзя домой...

– Не пустят?

Гуля ослабилась во все зубы.

– Он... он знает, где я живу... он не простит своего унижения...

– А ваши сестры?

Все-таки запечь проще. Натереть смесью перцев и теми же травами, а к мясу сделать острый соус.

– О них позаботятся...

Я хмыкнула и повернулась спиной. Пускай. Октоколесер – не моя собственность, поэтому... мы просто будем присматривать за этой... сироткой.

– Я вам не нравлюсь, – заметила Ноэль, тряхнувши рыжей гривой. – Я понимаю... женщины никогда меня не любили...

– Странно, с чего бы...

Мясо я заверну в листья шаррада, местного растения с тонкими бледно-лиловыми листьями, которые, несмотря на кажущуюся хрупкость, отличались и прочностью, и жаростойкостью. Ко всему и аромат имели пряный, чесночный.

– Вам не стоит переживать, – Ноэль отбросила маску несчастной жертвы. – Мне не интересен ваш некромант...

– Да неужели?

Мясо обмыть.

Высушить.

Сделать глубокие проколы. Натереть солью и смесью перцев.

– Милый песик, – Ноэль протянула было руку, чтобы погладить Гулю, но тот заворчал. И рука благоразумно убралась. – Сердитый какой... кусается?

– Еще как. Руку отгрызть может...

И между прочим, чистейшая правда...

– Но мы ведь подружимся? – Ноэль присела возле Гули и заглянула в глаза. – Животные меня любят... очень любят... наследие альвийской крови...

Она смотрела и смотрела, и я тоже смотрела на эти гляделки, раздумывая, стоит ли ей намекнуть, что, может, живые животные ее и любят, а вот у мертвых собственное мнение имеется. Но вместо этого лишь легонько кивнула. Что бы Ноэль ни задумала, Гуля в ее планы вряд ли вписывался.

Он закрыл глаза.

Вытянулся, уложив лобастую голову на лапы.

– Вот так-то лучше. Вы правы... моя история – не совсем правдива, – Ноэль вдруг оказалась рядом, и в спину мне уперлось что-то твердое.

И кажется, острое.

– Не кричи, – попросила Ноэль с милой улыбкой.

– Не буду, – я накрыла ладонью рукоять молоточка.

Хорошего такого молоточка, который Тихон мне сделал, чтобы мясо отбивать, тяжелого и с узором...

– Это хорошо, это правильно... нам ведь ни к чему здесь мужчины? Признаюсь, они меня выводят... примитивные существа, – Ноэль провела пальцем по моей шее и, наклонившись, понюхала волосы. – Чем моешь? Медовый шампунь? И... не узнаю...

Я не ответила.

Просто подвинула молоточек.

На пару миллиметров подвинула... и сердце ухнуло: заметит?

– И личико... такое свежее... не хотелось бы его попортить... личико надо беречь, если хочешь добиться чего-то в жизни.

– Кто ты?

– Не буду врать, что друг, но... слышала, у вас груз здесь интересный... где?

– В холодильном шкафу.

Сердце бухало.

Колени дрожали.

И выглядела я, надо полагать, весьма и весьма жалко. Плевать...

– Зачем в холодильном шкафу? – вполне искренне удивилась Ноэль.

– А где еще?

На шею скользнула петля.

Или не петля... что-то теплое, тонкое и, кажется, живое.

– Я ведь и вправду способна ладить с животными, – Ноэль протянула мне зеркальце. –

Вздумаешь душить, и Малышка тебя укусит...

...змея.

Я с трудом сдержалась, чтобы не заорать от ужаса. Мою шею черным ожерельем обвивала змея. Такая... тонкая блестящая змея... почти удавка.

– И где у вас тут холодильный шкаф?

– Кто ты?

– Свободная охотница. И тебе того желаю, все лучше, чем подстилкой на троих работать, – на красивом личике Ноэль появилась презрительная гримаска.

Змея – это просто змея...

– Малышка очень ядовита. Это к слову... чтобы ты не думала, что твои дружки тебя спасут. Не спасут. Смерть будет не мгновенной, но весьма и весьма мучительной. А потому, повторяю, не делай глупостей...

Да какие глупости... глупость сделали, приведя эту жертву насилия в дом. Ноэль же осматривала кухню, не стесняясь заглядывать в каждую банку, но хоть крупы перебирать не стала. Вытащила и перетряхнула подвядшую зелень. Перебрала посуду.

Хмыкнула.

– Так где?

Я молча указала на дверцу и стиснула молоток в руке. Надо успокоиться... надо... вряд ли змея сама обладает интеллектом... дрессировка... сигнал... и если так, мне нужно лишь не позволить этот сигнал подать.

Свист?

Знак?

Нет, змеи глухи. И видят тепло, а не жесты человеческие. Стало быть, сигнал будет иного толка. Магический? Я присмотрелась к Ноэль. В ином взгляде ее фигура светилась всеми оттенками зеленого.

Она же дергала ручку, пытаясь открыть дверь.

– Замок? – осведомилась Ноэль, разглядывая несчастный холодильный шкаф.

Я же покачала головой.

– Дверь заедает... здесь по другому надо.

Молоток в руке.

И страх...

Может, стоит просто отдать ей золото? И камни... и что там еще у нас осталось? Сильно не обеднеем, поскольку большая часть сокровищ хранится в банке Подгорного народа.

Но... что-то мешало мне поступить именно так.

Ноэль уйдет?

Уйдет, но вот оставит ли она нас в живых... змея на шее медленно переползала, пытаясь устроиться поудобней. Она была...

Полусонной?

Пожалуй.

И раздраженной, потому что не отказалась бы полностью погрузиться в сон, но ей мешало... а вот эта зеленая нить, захлестнувшая шею, и мешала. Не поводок – удавка.

Я встретила глазами с Гулей, которому надоело притворяться спящим, и молча указала на Ноэль. А она, наконец, одолела дверцу...

...та распахнулась.

– Что...

Я знала, что Ноэль увидит.

И насколько увиденное будет отвратительно. Я на это порождение тьмы, обнаруженное Альером на прошлом кладбище, смотреть без содрогания не могла, что уж говорить о человеке постороннем, к некромантским игрушкам не привычным?

Она взвизгнула, когда ком плоти, состоявшей из щупалец, клешней и десятка глаз, обыкновенных таких глаз, просто выросших прямо на розоватом мясистом панцире, бухнулся ей под ноги.

Вскочила.

И осела на пол.

...молоток Тихон сделал хороший. Оставалось надеяться, что череп я ей не проломила. Все же не хотелось становиться убийцей.

– Посторожи ее, – попросила я Гулю. – А я пока...

Как снять спящую змею с шеи, я понятия не имела. Благо, теперь сон рептилии был крепок и сладок, но вот сомневаюсь, что она позволит просто взять и раскрутить себя... нет, мне нужна была помощь.

...где спрятать золото?

Пусть это будет не монетой, но, как бы ни выглядела вещь, которую Ричард ищет, сделана она именно из золота, иначе возникли бы проблемы с синхронизацией артефактов.

Думай, Ричард.

...думай и поскорее, птичьи крылья шелестят где-то рядом и вряд ли местные птицы будут столь же безобидны, как голуби.

Размер?

Небольшая... не канделябр, не посох, не корона... эти предметы пропитаны древней магией... и значит, на статуях богов тоже бесполезно искать... кто бы ни создал это, разбитое на части заклятье, он не стал бы рисковать.

Магия богов размыла бы, сотворенное людьми.

Значит...

...дары благодарственные.

Множество золотых побрякушек, которые приносили в храм знаком благодарности...

Почему бы и нет?

И Ричард, подойдя к коробу, решительно вытряхнул его содержимое на пол.

– Грабить будем? – поинтересовался лойр Шаннар. И сам себе ответил. – Дурная затея, коллега...

...цепочки перепутались.

...подвески.

...перстни...

...и монет древних целая горка. Которая из них? Нет... надо взглянуть иначе... надо... искра тепла обожгла пальцы. И Ричард одернул руку.

Есть.

Это точно она и... и неужели на сей раз обойдется? Ему позволят просто взять эту вещь и...

– Есть, – он поднял монету и сунул в карман. – Уходим...

– Поздно, – лойр Шаннар смотрел куда-то за спину.

На алтарь.

И на мертвеца, который медленно поднимался с этого алтаря. Ему не мешали ни сломанные кости, ни истлевшие суставы, ни...

– Помолится же! – воззвал он трубным голосом. – Восславим Богов, милостью которых...

...потоки силы наполняли хрупкое тело его.

И кости срастались. Прорастали поверх них тончайшие нити кровеносных сосудов. Наполнялись призрачной кровью. Принимали на себя тяжесть мышц и кожи...

Мертвец поднял над головой чашу.

– Ибо сказано было, что воздастся каждому по заслугам его! – сказал он, глядя на лойра Шаннара, и тот вдруг покачнулся.

Упал на одно колено.

Попытался встать.

– Уходим, – Альер растворился в воздухе. – Как раз, пока им заниматься будут, мы успеем...

...и мысль-то хорошая.

Лойр Шаннар погибнет? Туда ему и дорога. Ричард его предупреждал, но нет... что может кто-то, вроде Ричарда, по недосмотру Богов наделенный силой, понимать в высоком искусстве некромантии?

Нельзя.

Нехорошо и...

...а лойр, если бы ему пришлось решать, вне всяких сомнений бросил бы Ричарда.

– Я не он...

– Конечно, ты куда больший идиот, – отозвался Альер напряженным голосом. – А теперь послушай... силу использовать нельзя. Он ее просто выпьет.

...жрец был молод.

И красив.

Узкое лицо с хищными чертами. Светлые волосы. Светлые глаза. Румянец лихорадочный. Улыбка... он знает, что мертв и знает, как умер. И пощады ждать не след.

– Иди ко мне, заблудшее дитя, – позвал он, и голос его был трубен. Он заставил стены петь, повторяя простую эту фразу, которая не была магией, но заставила Ричарда покачнуться.

Сделать шаг.

Стиснуть зубы, заставляя себя стоять. А вот лойр Шаннар поднялся.

– Стой...

– И все мы придем к ним, – жрец улыбался, и видны были желтоватые обгоревшие зубы. – И все мы принесем то, что можем... одни золото...

Перстень упал на алтарь.

– ...другие силу...

Лойр Шаннар вцепился в собственную руку, пытаясь отодрать золоченый шнур.

...а разве Ричарду никогда не хотелось посмотреть, как один из этих, полагающих себя истинными некромантами, будет выкручиваться...

– Эй ты... – Ричард сам не знал, к кому обращается. – Отпусти его...

Мертвец не шелохнулся.

Взгляд его был обращен на лойра, который уже избавился ото всех золотых побрякушек.

– ...третьи, лишённые и золота, и силы дадут то, что есть истинная ценность, – голос жреца наполнял храм. И от него, что от вина, голова шла кругом. Ноги и руки делались мягкими, непослушными. – Свое сердце возложат они на алтарь.

– Я не хочу, – жалобно произнес лойр Шаннар.

Твою...

...это не баб по дивану валять.

– Надо, – жрец был ласков. Он протянул руку и коснулся лица лойра, провел по белой его щеке, то ли утешая, то ли снимая невидимую пыль. – И сердце твое накормит голодных, даст покой беспокойным...

– Какое полезное, однако... – Ричард решил.

Он быстрым шагом подошел к лойру и, заглянув в застывшее лицо его, понял: уговаривать бессмысленно. Да и времени на уговоры особо нет.

Ричард перехватил рукоять сабли, примерился и с немалым удовольствием опустил на светлую макушку. Лойр Шаннар пошатнулся.

И рухнул на грязные камни.

– Негоже брать то, что предназначено богам, – заметил жрец с упреком.

– У него свои боги...

– Он просто забыл истинных...

А шелест под крышей стал громче.

Уходить надобно.

– Они давно ушли... и тебе пора...

...ритуалы изгнания духов Ричард помнил распрекрасно, однако крепко подозревал, что жалких его силенок не хватит.

– А его я заберу, – он, не спуская с мертвеца взгляда, опустил на одно колено, кое-как поднял лойра, закинув его на плечо.

Жрец улыбался.

Мягко. Понимающе.

Он не пытался остановить Ричарда. Просто смотрел.

Держал и нож.

И чашу.

И... когда до двери осталось пара шагов, храм вдруг вывернулся, и Ричард вновь оказался у алтаря.

– Оставь, что принадлежит богам, – сказал жрец.

– В бездну, – отозвался Ричард, испытывая преогромное желание выразиться куда более витиевато. Останавливала память.

Оказаться в этом месте без силы... ему и одного урока хватило.

– Я не позволю тебе убить невинного человека.

– Невинных нет. А этот... он убил меня, – жрец поднял руки и на ладонях его проступила кровь.

– Не он, – Ричард положил тело.

Бежать?

Один раз не получилось, значит, и второй не выйдет. А долго с этакой тяжестью на горбу он не пробегает. Остается что?

Договариваться.

– Его тогда и на свете не было-то... и его родителей тоже. Все, что случилось, было давно.

– Я не знаю времени.

Да... договариваться у него никогда не получалось.

– Чего ты хочешь? Мести?

Мертвец смотрел.

И смотрел.

И думал?

Или...

– И я не ошибаюсь. Я помню эту кровь. Но я не желаю мести.

– Тогда... – Ричард облизал пересохшие губы. – Тогда чего ты желаешь?

– Свободы.

Упокоения.

Он ведь верил. И продолжал верить, взывать к богам, которые оказались бессильны защитить верного своего слугу в храме. А может, просто не захотели. Может, им и прежде мелкие человеческие игры были лишь забавой...

– И как я...

– ...не вздумай соглашаться, дурень! – голос Альера донесся откуда-то издалека. Даже не сам голос, но эхо его.

– ...возьми, – жрец протянул что-то. – Возьми и... прости их, если сможешь. У меня не получилось...

...это оказалось сердцем.

Красным.

Мясистым.

Тяжелым.

Оно вяло дернулось в руках Ричарда, а в следующий миг забилося ровно и спокойно.

В груди Ричарда.

Уже не Ричарда.

...у него было другое имя, но он его не помнил, впрочем, это отсутствие памяти не вызывало беспокойства. В конце концов, было важно не имя, а...

...место.

Храм Всех Богов, один из древнейших в Империи, славных и историей своей, и чудесами, что случались в стенах его с завидным постоянством. Их присутствие здесь ощущалось явственно, наполняя душу трепетом и восторгом, которым он делился с богами.

И был любим.

Как ему казалось.

Сам Император, почтивший их захолустный городок визитом, удостоил его высочайшей милости – лично преподнес черный жертвенный клинок...

...это случилось за полгода до мятежа.

...бунтовали частенько, но большей частью в вовсе уж далеких провинциях. Мятежи вспыхивали. И захлебывались кровью. Храмы получали новых рабов, а верные дети императора – праздничные шествия.

Заговоры тоже случались, на то она и Империя.

И потому никто сперва не встревожился, разве что удивился – как подобное вовсе возможно, чтобы сразу несколько провинций вздумало объявить Империи войну?

Неужто и вправду надеются, что Император пощадит?

Ждали...

...войск ждали.

...и еще известий о том, что войска эти вошли в Ишмар, залив улицы мятежного города кровью... и что Император лично судил заговорщиков... и...

...ничего не происходило.

Тишина.

Тревожная, как ему почудилось. И вялое недовольство богов, а еще странные слухи, что сами эти Боги вовсе не милосердны, но напротив, жестоки, если требуют себе кровавых жертв. И что сам уклад Империи несправедлив...

...храм не опустел вовсе, нет, но прихожан вдруг стало меньше.

А новости доходили одна другой чуднее. И вот уже не три провинции, а едва ль не половина выступила против Императора, объединенная человеком, который нагло называл себя сыном новых Богов.

Он говорил с народом.

Обещал рабам свободу. А низшим – власть. Он призывал свергнуть тех, на ком стояла Империя, и чернь, дуряя от вседозволенности, пила его речи, как пьяница – горькое вино. И точно также шалела. Горели библиотеки. Рушились храмы, из тех, которые новые и не успевшие устояться в силе своей. Пылали усадьбы.

Умирали те, кто еще недавно казался всемогущим.

...а храм совсем опустел.

И однажды старый раб, живший при нем не один десяток лет, поймал молоденького жреца за рукав.

– Дурное затевается, – сказал он, глядя выцветшими глазами. – Уходил бы ты, ашше...

...он не внял предупреждению. Да и что дурного может случиться в храме?

...пришли в день Вдовы, когда храм украшали алыми покрывалами, а в алтарные вазы ставили букеты красных гиацинтов. Он сам срезал цветы в храмовом саду, внезапно осиротевшем, ведь женщины, которые еще недавно гордились службой своей, ныне опасались переступить порог храма.

Пусть так.

Все еще изменится. А Боги милосердны и простят отступников.

Он сам зажег огни в стеклянных фонарях, и наполнил лампы драгоценной ароматной смолой. Вознес молитву. И удивился, когда храм стал заполняться народом.

...не было женщин.

И детей, но их и без того в храм допускали редко.

Не было стариков и старух...

...и кажется, именно тогда он осознал, что служба эта будет последней. И голос его, наполнявший храм вином благочестия, предательски дрогнул. А сердце забилось чаще. И надежда... надежда ведь была: разве допустят Боги, чтобы ему причинили вред?

Да, он слышал о прочих храмах.

И о жрецах, что были растерзаны яростной толпой. Но это все происходило где-то далеко, а здесь...

...он вел службу, вглядываясь в лица пришедших, пытаясь отыскать в них хотя бы тень былого благоговейного ужаса, но не видел ничего.

– Хватит, – сказал молодой Харвар, который прежде приходил ко службе с отцом и дядьями, с матушкой и ее двумя сестрами, с сестрой и кузинами.

Харвар был порывист.

И не сдержан.

И набожностью особой не отличался, всякий раз тяготясь храмовой службой, видом своим показывая, что время это провел бы с куда большею пользой. Ныне же он, одетый просто – куда подевалась его любовь к золоту и камням – выступил вперед. Он перемахнул низкое ограждение, скорее символ, чем и вправду преграду, оказавшись у алтарного камня.

– Твои боги требуют жертву? – спросил он, дыхнув в лицо перегаром. – Что ж, мы ее принесем! И эту жертву они запомнят...

Народ, собравшийся в храме, загудел, но гул этот был каким-то... неуверенным.

– Вы только посмотрите на этого уродца... он напялил на себя красные шелка, когда вы... ваши дети...

Он слушал безумную эту речь, в которой не было и слова правды.

Голодали?

Быть может, где-то там, на окраинах Империи, в провинциях, что были еще дики, народ и голодал, но не здесь... и бедняков не было... работа?

Все трудятся в поте лица...

– ...он лил кровь вас и ваших детей, чтобы кормить ею чудовищ! – его толкнули и, не удержавшись на ногах, он ударился переносицей о край алтаря.

Что-то хрустнуло.

И по лицу потекло влажное, горячее.

Кровь?

Он мазнул рукой и растерянный – как стало возможным подобное – посмотрел на людей.

А те – на него. И на лицах их застыл суеверный страх.

Боги же...

Боги молчали.

– Видите? Эти статуи мертвы... – ему отвесили еще одну затрещину, не столько болезненную, сколько обидную. – Иначе разве допустили бы они подобное?

Его толкнули и пнули по ноге, заставив скривиться от боли.

– Вы поклонялись призракам! – Харвар ткнул пальцами под ребра жреца и тот захлебнулся воздухом, захрипел, когда рука вцепилась в горло.

И чьи-то руки – Харвар был слишком трусоват, чтобы прийти один – подхватили его. Подняли, позволяя разглядеть прочим.

Кто-то содрал алые шелковые одеяния.

Кто-то вспорол одежду.

Он пытался освободиться, но что он мог? Не воин, не маг... обыкновенный человек, которого слышали боги... Раньше слышали, а теперь словно бы оглохли.

– Танцуй, – его, голого и жалкого, с раскровавленным носом, кинули на алтарь. – Танцуй, святоша, и останешься жив!

Кто-то засвистел.

Захлопал.

А он вдруг осознал, что сегодня Боги будут смотреть. О нет, они запомнят все и каждому воздадут по делам его, но... помогать?

– Нет, – его голос прозвучал тихо, но храм привычно подхватил брошенное слово, донеся до каждого из прихожан.

– Танцуй, – по ногам ударили плетью, и боль обожгла.

– Нет, – он выпрямился и осмотрелся. – Вы приходили сюда за утешением... и за надеждой... вы приносили дары, взыскав их милости, но что изменилось?

– Все изменилось, – ответил Харвар. – Ушло твое время... ваше время...

Толпа загомонила.

– Вы знаете меня. И вы знаете его... не ты ли, Ушвар, приходил ко мне, когда он со дружками разгромил твою таверну... а ты... забыл об обиде дочери? И...

– Заткнись, – теперь Харвар ударил по спине, по плечам. – Заткнись, сученыш...

Он бил и что-то говорил, и кровь летела на алтарь, уходя в камень. А он ощущал тяжелое давящее внимание богов.

Его стянули.

Вздернули.

И кто-то содрал боевой цеп, чтобы обрушить его на ноги. Боль была оглушающей, всеобъемлющей, и он не сумел сдержать крика. А Харвар скомандовал:

– Теперь руки...

...мука длилась и длилась. Харвар, успокоившись, вдруг озаботился тем, что враг его умрет слишком быстро. И в рот жреца полилась вода, щедро сдобренная силой.

– Вот так-то лучше, – его похлопали по щекам. – Что? Где ваши боги? Неужели они допустят подобное? Если уж не придут к нему на помощь, то на вас им подавно плевать...

...в алом тумане боли он слышал, как подходят люди.

Смотрят.

Плюют... кто-то отворачивается, но таких немного... прочие рвут, крутят... раздирают на части тело, в котором жизнь держится едва ли не чудом. Но это не то чудо, за которое он станет благодарить богов...

...милосердия.

Бесполезно взывать о нем.

...справедливость?

Им воздастся... всем им... они еще не понимают, что ступили на опасный путь мятежа, в котором сами же сгорят... и он увидит... он уже видит, благо, открыты врата времени.

...колосья под серпом Жнеца... они ложились под копыта тяжелой конницы, что пыталась подавить мятеж... щепки, тонувшие в кровавом круговороте... сгоравшие в огнях последней войны... и уходившие медленно от голода и застарелых проклятий.

...они будут вспоминать тот, иной мир, от которого отказались.

И оплакивать его над могилами собственных детей, не понимая, за что судьба оказалась так жестока. А те, кто выживут, застанут становление нового государства, и отнюдь не цветами и лозунгами будут кормить его, но вновь же кровью... кровь – единственно достойная пища для великих свершений.

Вспыхнуло пламя.

Оно заставило очнуться, выпасть из блаженного межмирья в явь, которая подарила новую боль. И ее жрец принял покорно, как принимал все дары Их.

Он покорно кричал, пока не сорвал голос.

Но молить о пощаде...

Нет.

И смерть, что все-таки пришла, стала облегчением.

– Вот и все, – сказал Харвар, глядя на растерзанное тело. – Теперь в видите, что это все...

...он обвел рукой храм.

– ...не более чем страшилка... вас пугали волей Богов, но на деле над вами стояла лишь воля людей, возомнивших себя богами... а они...

Он сплюнул на пол.

И растер плевков.

Поднял золотой венец, покрутил в руках и швырнул в толпу.

– Вот ваша добыча. Ваши предки годами несли в храм золото, так по праву оно принадлежит вам...

...венец покатился по полу, чтобы быть остановленным чьей-то рукой.

– Берите, – Харвар прыгнул с постамента, и толпа расступилась, пропуская его. – Берите все! И не говорите, что я жаден...

...он вышел и дверь закрылась, захлопнулась с оглушающим грохотом, заставив весь храм содрогнуться. И мелким дождем посыпалась побелка.

Кто-то охнул.

Кто-то громко сказал:

– Что за хрень...

А по полу зазмеилась поземка.

Цветные витражи задернуло холодком, и венец упал на землю. Знака этого малого оказалось довольно, чтобы вернуть прежний страх пред Богами.

Они бросились из храма, толпясь и толкаясь.

Они колотили в дверь, и та сотрясалась от ударов, а потом все-таки распахнулась, выпуская всех их, отмеченных кровавой благодатью, на волю, которой жаждали. И когда последний из них покинул храм, двери его закрылись.

...потом, много позже, храм пытались поджечь.

Но пламя скатывалось со стен его, а после метнулось к поджигателю, обняв его ласковыми огненными лапами. Он громко кричал...

...и тот, другой маг, пришедший после... он оказался не умнее, если думал, что заклятье тлена повредит храму.

Каждому воздастся...

...и заклятье вернулось... их было много таких, самоуверенных глупцов, спешивших делом доказать свою преданность новому порядку. Храм сожрал всех.

А потом его оставили в покое.

Стену вот возвели, будто одной было мало, и сделали вид, что ни кладбища, ни самого храма не существует.

Ричарда выплюнуло в реальность.

И он обнаружил себя, лежащим перед алтарем. Он видел босые ноги мертвеца, и алые его одеяния, которые в полумраке словно бы светились. Бледный лик его, искаженный мукой.

– Теперь ты понимаешь? – спросил жрец.

– Да, – Ричард провел языком по зубам, убеждаясь, что они на месте, что выбили их не ему, невезучему некроманту, а несчастному служителю старых Богов. – Но... это был не он...

– Хочешь, я расскажу, что было дальше? Харвар вернулся в свой дом. Он пришел к отцу, который был верным слугой Императора, и вогнал ему нож в живот. В печень. Он мог бы убить его быстро, но ему нравилось смотреть на чужую смерть. И когда отца не стало, он отправился в покои матери, чтобы перерезать горло ей. Он убил теток, а кузин отдал своим людям... он изнасиловал родную сестру...

– Зачем ты мне рассказываешь? Это... это все равно сделал не он... – Ричард сел. – Это было... давно было... столетия тому... он обыкновенный лойр... не святой, нет... но, похоже, и не гнилой, если... мог бы бросить меня, а полез...

Он замолчал, не зная, что еще сказать.

Защищать постороннего и, положа руку на сердце, не слишком симпатичного человека... слишком уж альтруистично.

– Гнилая кровь. Его предок родился от противоестественной связи брата и сестры...

– Помнится, читал я, что у вас эти связи были совсем не...

– Император должен был сохранить божественную кровь, – спокойно ответил жрец, – но для остальных подобное неприемлемо... уходи. Я разрешу тебе взять то, за чем ты пришел... и быть может, у тебя получится.

– Что?

Жрец улыбнулся, и улыбка его была печальна.

– Не скажешь? Конечно... все вы горазды тайны разводить. Но... я не уйду один.

– Тогда останетесь здесь оба.

Хреновый выбор.

И надо бы... да уходить... силенок Ричарда не хватит, чтобы противостоять духу, жажущему мести...

– Не мести, – покачал головой тот. – Справедливости.

– Смерть за смерть – это справедливо?

– А что ты можешь предложить?

...торг...

...был бы тут Грен, он бы нашелся... он умеет торговаться, а Ричард...

– Искупление, – сказал он, облизав губы. – Он... он может... захоронить тебя... твои останки... с почестями, как... как положено по обряду...

Дух молчал.

– И... храм... здесь ведь не мешает прибраться? Он согласится... дары... твои боги не откажутся принять дары...

...он не сомневался, что лойр Шаннар окажется щедрым дарителем.

Но дух молчал.

Наверное, это было хорошо, если он не спешил отвечать отказом. Но и соглашаться не желал.

– Чего ты желаешь сам? – со вздохом спросил Ричард. – Если не брать во внимание его смерть... его род состоятелен. Известен. И на многое способен. Поэтому...

– Ты понимаешь, что порукой за этого человека будет твоя жизнь?

– Да.

Под лопаткой засвербело, намекая, что идея-то не самая лучшая. Однако других у Ричарда не было.

– И ты готов ею рискнуть?

– Да.

– Не зная его. Не испытывая даже тени дружеских чувств? – дух был определенно заинтересован.

– Да, – вздохнул Ричард.

– Почему?

– Потому что идиот, – не упустил момента Альер.

– Потому что должен...

В храме воцарилась тишина. И даже шелест птичьих крыл стих.

– Что ж... – дух отступил. – Пусть будет так... пусть он даст мне уйти... для меня давно готов склеп. А кровь его будет лучшей из жертв...

Ричард кивнул.

Передаст.

И лойр Шаннар кивнул тоже. Слышит? Но понимает ли... хорошо бы, поскольку жизнь у Ричарда, как ни крути, была одна.

– ...ты говоришь, что он богат? Пусть использует свое богатство во благо людям...

– Каким?

А то мало ли... вдруг да потом окажется, что люди имелись в виду совершенно конкретные. Но дух лишь взмахнул рукой и рассыпался роем ледяных снежинок.

Глава 7. Леди и альв

Змея свернулась клубочком на ладони Тихона, и он нежно проводил пальцем по темной ее чешуе. И кажется, змее эти прикосновения были по вкусу. Во всяком случае, она не пыталась ни вывернуться, ни укусить альва.

– Это очень редкая рептилия, – сказал, наконец, Тихон.

– Ты про кого? – уточнила я на всякий случай.

Ноэль пришла в себя, хотя изо всех сил притворялась бессознательной, но я слышала, как изменилось ее дыхание. И ресницы подрагивали.

Тихон улыбнулся уголками губ.

– Тебе не идет злость, Оливия... она роднит тебя с ними...

– С кем? – поинтересовалась Ноэль, сообразив, что дальнейшее ее лежание лишено всякого смысла.

– Не важно, – Тихон подошел к нашей гостье и присел рядом. – Кто послал тебя?

Она фыркнула и отвернулась.

– Кто?

– Тебя это не касается, ушастенький... только бегать вам недолго осталось... так что, будь пайнкой, развяжи и тогда, быть может, я дам совет, как избавиться от неприятностей.

– Знаешь, – Тихон провел мизинцем по ромбовидной голове, и сонная рептилия открыла глаза. – Это хорошо, что у Грена дела в городе... это очень хорошо, просто замечательно...

– Почему?

Тихон пожал плечами.

– У него излишне, как на мой взгляд, трепетное отношение к женщинам. И он бы не одобрил того, что я собираюсь сделать.

– А...

Спросить я не успела, как Тихон просто стряхнул змею на грудь Ноэль. Та дернулась, но быстро взяла себя в руки.

– И что? Думаешь, я испугаюсь и заговорю?

– Думаю, – согласился Тихон и щелкнул пальцами, а змея, повинаясь этому знаку, развернулась и впиалась в плечо Ноэль.

– Ты... ты...

Она побелела.

И посерела.

– Ты... не можешь...

– Я не могу, – Тихон поднял рептилию, которая вновь затихла и свернулась на его ладони, только голову выставила из витков. – А она – вполне... мне стоит рассказать, что тебя ждет? Яд черной горянки действует не так быстро, как, скажем, алой ленточницы... будь здесь ленточница, ты бы умерла раньше, чем успела бы испугаться... и конечно, у нас имеется некромант, поэтому на вопросы ты бы так или иначе ответила, но так уж вышло, что я предпочитаю иметь дело с живыми.

Я стиснула кулаки.

Нельзя вмешиваться.

Я умом понимала, что нельзя, что моя нынешняя внезапная жалость, может, и свидетельствует о моих моральных качествах, но в остальном является совершенно бесполезным чувством.

– Пока ты чувствуешь лишь боль в месте укуса, но очень скоро тебе станет жарко... я уже вижу испарину на лбу. Жар – первый признак того, что яд распространился по твоему телу. Затем появится ломота в суставах. И боль в животе. Она будет усиливаться с каждым мгнове-

нием, а твоя кожа... у тебя удивительно белая и ровная кожа... для человека, само собой... так вот она побелеет еще больше... и станет весьма чувствительна. Настолько, что малейшее прикосновение будет причинять боль. Впрочем, к этому времени у ты вряд ли будешь обращать внимание на подобные нюансы... яд будет разъедать изнутри твое тело... и кровь альва не поможет, напротив, лишь удлинит агонию.

Она слушала.

Внимательно так слушала.

И сглатывала часто. И не пыталась умолять о пощаде.

– Чего ты хочешь?

– Правды, – Тихон оставался спокоен. – И я излечу тебя. Ты знаешь, мы способны на подобное...

– Хорошо...

Спокойно, Оливия, он не собирается ее убивать. Пугает и только... а что правдоподобно, так... так на то и расчет. Какой смысл пугать, если звучит это неправдоподобно... и вообще, я ведь знаю Тихона... я...

– Мой... приятель... временный приятель, – Ноэль облизала губы. – Мы иногда встречаемся... оба свободные люди... он наемник из первой десятки...

– Кто?

Она поморщилась, но покорно сказала:

– Пью Трехглазый... его так прозвали за то, что у него чутье отменнейшее, а стреляет так, будто...

– Ближе к делу.

– Я слышала, как он говорил со своим приятелем... а у него приятелей среди лойров хватает... об одном деле... заказ и крупный... за ваши шкурки с полсотни тысяч обещали...

– Щедро.

– При условии, что содержимое вашего фургончика не тронут... Пью держит слово... он поклялся... а я вот... я подумала, что такого здесь есть, если полсотни дают? Взять можно... больше можно...

Она и вправду побелела еще сильнее, точнее бледная кожа ее истончилась, и под ней проступили вспухшие сосуды. Ноэль теперь дышала часто. А пот катился по лбу...

– ...мне... пришлось постараться, чтобы Пью... никто не заподозрил... я поняла... где вас ждуть... решила завязаться с... градоправителем... некромант все одно заглянул бы к нему... так принято... через мужчин многое можно узнать. Считают себя самыми умными... а не видят дальше собственного носа... совпало удачно... я думала, в запасе имеются пара дней, но тут... такое знакомство... и поняла, что надо быстро... Трехглазый не любит затягивать контракты. Так что, – Ноэль скривилась и гримасу ее при некой доле фантазии можно было считать издевательской улыбкой. – Вашему приятелю недолго осталось... и вам... и...

Она захлебнулась кашлем, и из носа поползла струйка алой лаковой крови.

– Ничего, мы как-нибудь да справимся.

Тихон наклонился и сдавил виски Ноэль. Он заглянул в глаза ее и замер. Тело ее вдруг выгнулось. Застыло. Из горла ее вырвался сдавленный хрип...

– Она...

Тихон позволил телу упасть.

– Жива. И будет жить. С практической точки зрения нам это не выгодно, но... – он вытащил нож с узким коротким клинком, которым распорол запястье Ноэль. – Есть способ ограничить ее свободу воли в том, что касается причинения нам вреда. Полагаю, Оливия, ты осознаешь необходимость данного действия?

Осознаю.

И все равно мне не нравится. Ни змея, ни допрос, ни вот это... кровь Тихон собрал в махонькую склянку. Встряхнул. И кивнул собственным каким-то мыслям. А потом похлопал Ноэль по щекам.

– Можешь встать, – сказал он. – Тебе не так уж и плохо. Во всяком случае, не настолько, как ты пытаешься показать.

– В-веревки, – она еще говорила с явным трудом, запинаясь. – С-сними.

Тихон молча разрезал их.

А змею вот в карман сунул, и это мне совершенно не понравилось. Редкость там или нет, но... в отличие от игрушек Ричарда, змея была очень даже живой.

– Это, – Тихон показал пузырек с кровью, – останется у меня. И ты ведь не откажешься клятву принести?

Ноэль скривилась, но кивнула.

Прижала руки к животу.

– П-проклятье...

– Я бы настоятельно рекомендовал несколько дней полежать, отдохнуть и... соблюдать диету.

Они вышли из храма вдвоем. Лойр Шаннар опирался на плечо Ричарда, и видно было, что каждый шаг дается ему с немалым трудом. Но врожденное упрямство мешало попросить о помощи.

А Ричард не предлагал.

Драконья кровь слишком редка, чтобы тратить ее на всяких малознакомых личностей.

– Я... не забуду, – пообещал лойр Шаннар у дверей храма.

– Я надеюсь, – Ричард потер шею. Невидимая петля залога за чужую жизнь ощущалась весьма себе явственно.

– Будь уверен, – он сам толкнул дверь, и та отворилась со скрипом. – Вечерет однако... люблю закаты.

– Не на кладбище.

Почему-то Ричард был уверен, что храмовым духом дело не ограничится. Все же старые кладбища обладали на редкость дурным нравом.

И не ошибся.

Их ждали на дорожке.

Стеклянные цапли, которые до отвращения походили на живых, взяли и ожили. Их полупрозрачные тела наполнились светом заходящего солнца. И свет этот, преломляясь, распался на оттенки.

Пламя в груди.

Искры на перьях.

Темно-лиловые тонкие ноги. Клювы-спицы и...

– Знаешь... а папенька мой полагает, что провинциальная жизнь скучна... и думал я, что он прав, – лойр Шаннар перехватил клинки.

Отряхнулся.

И ожил, разом стряхивая храмовый морок.

Что ж, если так, то, может, и к лучшему... пара клинков не помешает.

Цапли застрекотали. Они приближались неторопливо, пританцовывая, то раскрывая крылья, позволяя любоваться разноцветными перьями своими, то вытягивая шею... и клювы их клацали. И пожалуй, были остры... куда острее обычной шпаги.

Сталь лязгнула о стекло и скользнула, не оставив ни царапины.

– С кем, с кем, а с цапляй сражаться еще не приходилось, – заметил лойр Шаннар, салютуя противнику. И цапля запрокинула голову, отозвалась хрустальным клекотом.

– Ты не выпендривайся, – Ричард на свою смотрел с подозрением.

Все-таки...

Легкая.

И хрупкая... обманчиво хрупкая, поскольку простояла она не одну сотню лет, камни и те посыпались, а это стекло... или не стекло?

– ...амверская плоть, – пояснил Альер, вновь обретая обличье. Он устроился на надгробном камне. – В мое время велись эксперименты... помнишь, я тебе рассказывал о Безумце? Или это не тебе? Так вот, его работы не остались незамеченными. Это же так заманчиво, создать плоть каменной крепости... правда, оказалось, что камень недостаточно гибок, а вот стекло при определенных условиях...

Цапля сделала выпад, едва не насадив Ричарда на острый клюв.

– Заткнись, – попросил он вполне искренне.

– Приятно видеть, что некоторые эксперименты оказались удачны, хотя... пожалуй, вижу их недостаток. Они неуязвимы в обычном плане, но эта неуязвимость требует немалой энергии.

...лойр Шаннар танцевал, иначе не скажешь.

Вот Ричарду фехтование никогда особо не давалось.

Не хватало гибкости.

Изящества.

А еще желания, тренировать в себе оные гибкость с изяществом. Упырям-то дуэльный кодекс неведом, их проще обычным тесаком, чем саблей...

Цапля наступала.

Теснила.

Играла.

Она была... легче и тоньше.

Быстрее.

И пожалуй, имей желание, давно избавилась бы от Ричарда, но нет... она предпочитала загонять его... а выставленный щит попросту не заметила.

– Не стоит использовать силу, – опять же заметил Альер. – Она просто выпьет твое заклятье... и послушай моего совета... беги...

– Куда?

Ричард едва успел отбить удар острейшего клюва.

– Не важно... бегаешь ты, помнится, хорошо...

Что ж...

Ричард швырнул в цаплю флаконом с какой-то пакостью, кажется, с «Пыльным следом». И склянка разлетелась, столкнувшись со стеклянным пером, обсыпав треклятую птицу смесью красного перца, молотых жабьих шкур и еще пары-тройки не самых приятных ингредиентов.

Цапля заверещала.

А Ричард, пользуясь мгновением передышки, бросился прочь.

Бегал он быстро.

Очень быстро.

И петлял меж могил, не позволяя себе останавливаться, благо, дорожки на кладбище были чисты и ровны, словно нарочно для бега положены.

Цапля застрекотала сильнее.

И кажется, в голосе ее теперь слышалось откровенное возмущение: жертве надлежало принять смерть благородно, с клинком в руке, а не...

Плевать.

Своя шкура ценней всяких там кодексов...

– Беги, Ричард, беги... – голос Альера разнесся по кладбищу.

Сзади раздалось возмущенное клекотание. О да, цапля не собиралась отпускать свою добычу. Вот только взлететь у нее не получалось. Тело ее стеклянное оказалось чересчур тяжелым, чтобы тонкие крылья могли его поднять. Она подпрыгивала. Хлопала крыльями, на несколько мгновений зависая в воздухе, чтобы в следующее мгновение опуститься на тропу.

А вот бегала треклятая птичка довольно-таки шустро.

– Еще немного!

– Милостивый сударь, – лойр Шаннар ударил по клюву своей цапли двумя клинками, что заставило птичку отступить и замотать головой. – Я, безусловно, не имею ни малейшего права осуждать выбранную вами стратегию...

...трепло.

...а главное, хватает же у него дыхания! И умений, если до сих пор не проткнули.

– ...однако позволю себе заметить...

Цапля заверещала вовсе уж оглушительно, пытаясь вскарабкаться на белую гору мавзолея.

– Не останавливайся! – Альер сидел на камешке, наблюдая за происходящим. – Я уже и забыл, признаться, что живые так хрупки, но мне бы не хотелось сообщать Оливии о твоей скоропостижной кончине, тем паче, столь нелепой...

Ричард свернул в сторону и прижался к огромной стеле из черного камня.

Сердце ухало.

В боку кололо. А и вправду, давненько он не бегал так... пожалуй, с того самого первого года, когда самомнение его вошло в конфронтацию с реальностью. Помнится, тогда было старое кладбище и пятерка матерых упырей, свивших логово в могиле местной лайры, которая и при жизни-то ласковостью норова не отличалась.

...после то селяне клялись и божились, что смерть ее нисколечко не изменила, даже будто бы краше стала... тогда Ричард до утра бегал и ничего, а тут... стареет?

Или расслабила относительно спокойная жизнь?

По дорожке раздались осторожные шаги. Цапля ступала, танцуя, и все-таки стеклянные коготки царапали гравий. Вот цапля замерла... Ричард видел ее тень в свете старшей луны.

Он перехватил клинок.

Зря, что ли, вытащил его из гробницы? Неужели бы там, среди даров Императору, нашлось бы место обыкновенной сабле? А как же сказки об имперском чудо-оружии, способном рубить с одинаковой легкостью, что гранит, что плоть...

Он сглотнул.

Один удар.

Всего один...

Цапля вытянула шею. И лязгнули спицы стеклянного клюва. Думает? А они вообще способны думать? Вот голова дернулась.

Распахнулись крылья.

Птица перебирала ногами мелко и часто, готовая сорваться в бег, вот только не понимающая, куда именно ей бежать.

Ричард поднял камушек с тропы.

И кинул куда-то в сторону. Шелест заставил цаплю развернуться и вытянуть шею в броске-уколе. Она застыла на мгновение, а потом развернулась, четко уловив, где он находится.

Теперь цапля подходила не спеша.

...а ведь красивая, бездна ее задери.

...один удар... и глупая надежда на чудо... иначе опять бежать, а много он не набегает. Чувствовалось, что существу этому, не вполне живому, но и не мертвому, несказанно наскучили игры.

Цапля остановилась в трех шагах от Ричарда. Медленно приоткрыла крылья, и тускло блеснули в потемках стеклянные перья... сложились шея перед броском-ударом.

Закрылся клюв.

– Ну и чего ты ждешь? – Ричард стиснул рукоять клинка, вслушиваясь в тишину.

Цапля стояла.

И стояла.

– Заряд закончился, – пояснил Альер, возникая между Ричардом и птицей. Он поскреб босую ногу, потянулся и смачно зевнул. – Все же на редкость бестолковая структура...

– Не скажите, – лойр Шаннар ступал, зажимая правый бок рукавом. – А моя меня достала.

– Я ж говорил, бегите...

Удар пришелся по касательной, вспоров и куртку из шкуры каменной виверны, и рубаху, и кожу.

– Простите, но бегство не достойно благородного человека, – лойр Шаннар куртку стянул и рубаху с нею, скомкал, прижал к длинной царапине, морщась. – Но сейчас... пожалуй, я готов согласиться, что поступил несколько... неосмотрительно.

– Бестолково.

– Спасибо, – Ричард покопался в сумке и вытащил склянку с кровохлебкой. – Покажи. Жечься будет.

Зелье получилось настоявшимся, густым. Маслянистые капли его падали в рану, и лойр Шаннар кривился, но не стонал.

А ведь с двумя Ричард не справился бы.

– Благодарю, – лойр Шаннар склонил голову и представился. – Генрих...

– Ричард.

– Я знаю.

– Это все очень мило, – Альер обошел цаплю и, поднявшись на цыпочки, заглянул в разъявленный ее клюв. – Однако есть небольшой шанс, что эти милые птички способны поглощать рассеянную энергию. И я не представляю, сколько времени им понадобится, чтобы ожить...

...а если не они, то еще какая-нибудь пакость.

– Да, пожалуй, ваш знакомый прав... – Генрих огляделся. – Как ни прискорбно признавать сие, но это место... вызывает у меня острое чувство неполноценности...

– Это не чувство. Ты и вправду неполноценный...

Альер постучал по цапле кулачком.

...дорожка была пуста.

И чиста.

Обе сестры зависли над кладбищем, которое в рассеянном свете их выглядело вполне мирно. Белели мавзолеи, чернели каменные глыбы памятников...

Стрекотали сверчки.

Где-то там, за границей забора.

...и не отпускало ощущение, что в спину им смотрят. Ричард несколько раз оборачивался, но никого не заметил.

Беззвучно отворилась калитка, чтобы после захлопнуться с премерзким скрежещущим звуком. Генрих вздрогнул и поморщился. Рана, пусть и запечатанная зельем, продолжала кровить. И болела, надо полагать, нещадно, но лойр не жаловался.

Да и вообще...

– С моей стороны не будет ли дерзостью пригласить вас в мой особняк? Ночь на дворе и... – он остановился у каракового жеребчика, мирно дремавшего в сени тополей. – Я думаю, у нас есть причина познакомиться поближе...

– Мне бы домой...

...Оливия волнуется.

Наверное.

Да и та рыжая... если все так, как рассказал Генрих, к этой девице есть вопросы...

– Понимаю и... в моем доме хватит места для всех ваших друзей. Я пришлю экипаж.

– С чего такая любезность?

Генрих потрепал жеребца по морде и, со вздохом, взобрался-таки в седло. Потрогал бок. Поправил куртку, лежавшую на плечах этаким плащом.

– Быть может, потому что вы меня не бросили там? Или потому, что теперь знаете правду о... моем великом предке, – его лицо исказилось. – Я всю жизнь рос в его тени... недостаточно велик для... а на деле...

Генрих сплюнул.

– Дерьмо, – выразился он неблагородно. – И мне надо с кем-то... кому-то... отец вряд ли поверит, а даже если поверит, то виду не подаст, поскольку семейное имя важнее всего... а еще, быть может, потому что мне интересно, что именно заставило вас рисковать.

Хорошие причины.

Но не для Ричарда.

– Вам мало? – понимающе кивнул Генрих. – В таком случае приведу еще одну причину... до меня дошли некоторые... презанимательные слухи о вашей идее, которая еще недавно мне представлялась действительно нелепой, но...

– Представления изменились?

– Именно... а еще мой... бесславный предок в свое время умудрился разграбить не только городской архив. Мы не распространяемся о том, что хранится в местных подземельях, но...

Жеребец всхрапнул и вскинулся.

Застриг ушами.

И Ричард поневоле пригнулся, выставляя щит...

...пуля вспыхнула, ударившись в него.

– На землю! – Ричард дернул лойра за ногу, и тот кулем повалился на мостовую, зашипел, матерясь сквозь зубы.

Вторая пуля ударила чуть выше первой, и щит лопнул, что мыльный пузырь.

– А насыщенная у вас жизнь, – Генрих перекатился на живот.

– Завидуйте молча, – пробормотал Ричард, пытаясь высмотреть стрелка.

Бесполезно.

Темень.

Улочки узкие. Домишки угловатые. И укрытий для стрелка великое множество... и неприятно думать, что стрелок этот только и ждет, когда же беспечный некромант поднимется... подставится...

Генрих вытащил из-за ворота серебряный свисток, трель которого пронеслась по улицам. И жеребец завизжал, поднялся свечой...

– Не любят они этого, – Генрих перекатился, уходя из-под копыт. – Но выбора нет...

И пальцы сложил знакомым жестом, щит восстанавливая. Правильно, какая-никакая, а защита. Но дальше-то что...

...грохот сапог стражи донесся издалека. Всполохи факелов. Голоса...

– Градоправитель я или как? – Генрих поднялся, впрочем, двигался он осторожно, явно опасаясь, что неведомый стрелок городской стражи не испугается.

Но ничего не происходило.

– Ушел, – сказал Альер, возникая. – Можете вставать.

– А раньше предупредить, – Ричард отряхнул одежду, которая, впрочем, чище не стала.

– А самому подумать? – Альер был недоволен. – Я не могу постоянно с тобой нянчиться и...

– И в свете последних событий, – прервал их беседу Генрих, – я все же осмелюсь настаивать на вашем визите. За вашими друзьями я отправлю... кого-нибудь отправлю...

Ричард очень надеялся, что это будет не дюжина стражников в полном облачении. Все же такое приглашение могут понять неправильно.

Стража окружила улочку.

И седой капитан вытянулся перед Генрихом. В глазах его читалось явное неодобрение. Во всяком случае, взгляды он на Ричарда бросал весьма выразительные.

– Не обращайтесь внимания, – Генрих выглядел несколько бледным, но все же довольным несказанно. – Киммар – верный слуга нашего рода, а потому все, происходящее со мной, принимает слишком уж близко к сердцу. Но служит он честно...

...подали закрытый экипаж, донельзя похожий на тюремную карету. Внутри и пахло-то специфично, свежей соломой и деревом, и еще, пожалуй, кислым пивом.

А вот Ричард не отказался бы выпить, если не вина, то хотя бы воды.

Он снял флягу и сделал глоток.

Теплая.

И горькая... не вода – травяной отвар, а он и забыл, что сменил перед походом. И хорошо, взбодриться не мешало бы. Ричард молча протянул флягу спутнику, а тот не стал отказываться. Глотнул.

Прополоскал рот.

– Мелисса? Ромашка... чабрец еще... волчеголовник... он так вяжет... характерно... капля красной сурьмяницы... опасное сочетание. А вы рискованный человек.

– Вы тоже, – не удержался Ричард, флягу забирая.

То есть, забрать он попытался, но ему не отдали.

– Что вы... меня с юных лет оберегали... как же, единственный наследник... как-то так повелось, что наш род, пусть древний и богатый, но численностью никогда не мог похвастать... теперь я понимаю, но...

Он выпил почти треть отвара и довольно фыркнул.

– Вы не поверите, но сегодняшняя ночь... я в жизни ничего подобного не испытывал.

– Охотно верю.

Ричард и сам, мягко говоря...

– И не буду лукавить, говоря, что мне понравилось... местами, конечно, но... – Генрих смежил веки. – Я пожалуй, более чем когда либо осознал, насколько смертен. И насколько люблю жизнь. Еще недавно мне казалось, что все мое существование... это тоска смертная.

Экипаж громыхал.

Подпрыгивал на камнях. И спать хотелось немилосердно. Но Ричард слушал, когда еще благородный лойр соизволит поделиться мыслями с ничтожным смертным?

– ...даже моя ссора с отцом... это же пустое, если разобраться...

Он говорил и говорил, что-то рассказывая, наверняка личное и душевное сверхмеры, но усталость взяла свое, и Ричард смежил веки, проваливаясь в подобие сна.

И кажется, действительно уснул, если пропустил момент, когда экипаж остановился.

– Прошу прощения, – лицо Генриха впотымах было неестественно белым. – Мы прибыли... вас проводят в ваши покои.

...огромный дом.

Каменная громадина о полудюжине грубых колонн. Оплетенные коваными змеями, они гляделись уродливо, впрочем, и сам особняк не отличался красотой. Было что-то хищное в простоте его рубленых линий, в мрачности гранита, который не пытались облагородить ни панелями из дерева, ни гобеленами. Тусклый блеск рыцарских доспехов, расставленных по коридорам, лишь усугублял сходство с темницей.

... правда, стоило признать, что камеру Ричарду выделили отличнейшую.

Комната.

Два узких окна. Стекла толстые, мутные, вставлены в свинцовые переплеты. Широкие подоконники. Ковер из медвежьих шкур на полу. Камин. Кровать. Балдахин, подвязанный шнурами. Гардеробный шкаф, несколько выбивавшийся из общей обстановки какою-то легкомысленностью... рукомойник с тазом и медным кувшином.

Слуга.

Поднос и поздний ужин.

Бутылъ вина, заботливо обернутая мягкой тканью.

– Господин просил сказать, что, если вы желаете умыться, то вас проводят в умывальни, – слуга был мрачен, то ли подняли его среди ночи, то ли заставили прислуживать выскочке, которому в благородном доме не место, но недовольство свое он выражал и тоном, и взглядом, и постною гримасой.

– Желаю.

Ричард потер глаза.

А ведь сон как рукой сняло... бодрость временная, но воспользоваться стоит.

Слуга кивнул.

И повернулся спиной.

Он шел по дому, неся на вытянутой руке шар-светильник, и даже спиной умудрялся выражать неодобрение. Впрочем, на неодобрение Ричарду было глубоко наплевать.

Узкие коридоры.

Редкие двери из толстого мореного дуба.

Кованые петли.

Замки железные... зачем в доме замки? От кого закрываться? Или правильнее было бы сказать, кого закрывать?

...и воду горячую не провели. В столице горячая вода и до второго округа добралась. А тут вот... купальни, как сотни лет тому.

Слуга любезно приоткрыл дверь, пропуская Ричарда.

– Все готово, – возвестил он. – Если вам понадобится что-то, достаточно позвонить в колокольчик...

...сумрачно.

Пара шаров под потолком не способны разогнать темноту.

Жарко.

И жар идет из-под земли.

Парно.

Воздух влажный, тяжелый.

Хорошо.

Подобные умывальни Ричард только на картинках видел. Чтобы и пол, и стены, и глубокие чаши бассейнов плиткой выложены, и не просто так, а будто бы море бело-синее, с барашками волн. В нем же – твари всякие.

Рыбы.

Морской конек.

И чудище со щупальцами, обнявшее корабль, будто игрушку...

– Фантазия моего предка внушает уважение, – Генрих лежал в длинной чаше, вытянувши тощие ноги. – Прошу... здесь самый горячий источник, плюс к нему – пару камней зачаровано. Самое оно, чтобы расслабиться.

Ричард поморщился.

Он все же надеялся, что у него будет ночь подготовиться к разговору, которого не избежать.

– Не стоит опасаться. Я предпочитаю женщин...

– А есть варианты? – хмыкнул Ричард.

Вода была цвета молока. Время от времени в бассейне что-то булькало, и в воздухе появлялся терпкий цветочный аромат.

– Вы не представляете, сколько всяких вариантов есть, – Генрих усмехнулся. – Садитесь. Вы же понимаете, что вопросов у меня накопилось изрядно. Но настаивать я не буду... я помню все, что там происходило... и деяния моего предка...

Он поморщился.

– Я говорил, что меня заставляли наизусть заучить его славную биографию? И пороли за малейшую неточность. Отец полагал, что я должен брать пример...

Генрих откинулся.

Он был тощ.

И длиннорук.

И темная повязка, перетянувшая тело его, казалось, не доставляла лойру ни малейших неудобств.

– И я жил, осознавая, что недостойно носить его имя... ничтожен... перед великими деяниями, – Генрих закрыл глаза. – Вы, наверное, не знаете, что мой славный предок не только поддержал мятеж, но и сумел поднять чернь... он захватил градоправителя. И вынудил его отдать приказ о разоружении имперской сотни... и освобожденный народ, ведомый чувством праведного гнева, сверг гвардейцев... так писали в семейных хрониках.

Вода оказалась горячей.

Настолько горячей, что первым порывом Ричарда было выскочить из треклятой чаши, но гордость помешала. Лойр лежит? И Ричард сумеет.

– Я никогда не задумывался над тем, как это было... гневом так гневом... главное, заучить. А теперь вот... осознаю, что имперская гвардия – это не просто солдаты, это еще и маги, они и без оружия могли бы расправиться с сотней-другой селян... не говоря уже о том, что подобному приказу не подчинились бы. Все было иначе, но как?

Генрих щелкнул пальцами, и молочная поверхность взбурлила.

– С градоправителем ясно... вероятнее всего гражданское лицо, которое не сильно-то умело воевать... градоправителю сие без надобности...

– Дом.

– Что?

– Почему этот дом такой? – спросил Ричард, понимая, что мысль безнадежно упущена.

– Какой?

– На тюрьму похож.

Генрих задумался.

И поморщился. Потрогал плечо.

– А я ведь раньше дуэлями баловался... считал себя отличным фехтовальщиком... в десятке лучших... будет наука.

Если он был в десятке лучших, то Ричард вполне мог бы отнести себя к десятку худших. Настроение испортилось окончательно. И Ричард, не особо стесняясь, поскребся спиной о камень.

– Зудит? Это целебный источник. Вода проходит сквозь толщу вулканических пород, обогащается какими-то там газами... точно не знаю, не вникал, главное, что очень полезна... а дом... знаете, пока вы не спросили, я как-то не обращал внимания... привык? Мое детство прошло здесь. Отец с матушкой не больно-то ладили, поэтому он и сослал ее сюда... и меня заодно. А вот когда исполнилось двенадцать, соизволил призвать. Наследник, как ни крути... в детстве мне нравилось здесь... ощущение... убежища? Здесь, если хотите знать, почти ничего не изменилось с той поры. Отец слишком ценит нашего доблестного... – это слово Генрих

почти выплюнул, – предка, чтобы утеплить окна или вот вместо каминов провести трубы... матушка умерла от банальнейшей простуды...

Генрих зачерпнул воду раскрытой ладонью, поднял ее и смотрел на тонкие нити, что потянулись к бассейну.

– Окунитесь с головой, полезно. Так значит, тюрьма... что ж, теперь я вижу... ему было кого держать... меня это всегда удивляло... ладно, он убил отца, который отказался присягнуть новому императору, сомнительного качества подвиг, но с моим батюшкой сомнения лучше оставлять при себе... но нигде, ни в одной хронике не упоминалось о том, что случилось с остальными... с его матерью вот... или с сестрой... только дата смерти... ее похоронили внизу. Стоит ли мне наведаться?

– Вам решать.

– Решу... время есть... еще есть... знаете, я читал, что в Старой Империи при храмах были лечебницы для неимущих... как по мне отличная идея...

– Собираетесь строить?

– Должен же я как-то... мне кажется, ему должно прийти по вкусу. У моей семьи много денег. Настолько, что, кажется, даже мой отец точно не знает, сколько именно... этот город... он формально свободен, а на деле... давно уже нет свободных городов, да... рудники... и с полсотни мануфактур... мы держим торговлю со Светлым лесом. И шахты, где добывают алмазы, хорошие алмазы всегда в цене... и еще вот воды... знаете, сколько приносит один курорт? На лечебницу хватит...

– Я рад за вас.

Зуд прошел.

А кожа будто покрылась чем-то осклизлым, но не сказать, чтобы неприятным.

– Не дерите, – Генрих приоткрыл один глаз. – Это мелкие... насекомые... сядьте, звучит мерзковато, а на деле они столь крохотны, что глазом не различить. Они обретают в самом источнике, а питаются там нечем. Вот и поглощают жиры и пот. Кожу очистят до скрипа, а заодно уж смягчат все рубцы и шрамы. Что я могу сделать для вас?

– Помимо ванны и ужина?

– Ужин подадут сюда, – Генрих щелкнул пальцами и где-то далеко раздался звон колокольчика. – Но утром вы уедете.

– Это приказ?

– Совет. Как я сказал, этот город принадлежит моей семье, а я лишь часть ее. И полагаю, о вашем прибытии отцу уже доложили. Утром мне доставят распоряжения, вероятнее всего, памятуя о моем дурном нраве, за подписью Императора. Я буду обязан исполнить их, если не пожелаю прослыть мятежником. И почему-то мне кажется, что эти распоряжения коснутся вашей... миссии.

– Так вас же уполномочили... содействовать?

Тело стало мягким.

Чужим.

Расслабленным. Пожалуй, Ричарду и языком шевелить лень было. Закрывать бы глаза и в дрему погрузиться, восстанавливая прерванный сон.

– Меня попросили содействовать, – уточнил Генрих. – И просьба исходила от папенькиного старого приятеля... скажем так, их дружба никогда не мешала придерживаться радикально разных взглядов на то, что пойдет на пользу Империи...

Во всем виновата была вода.

И тепло.

И место это, наполненное вязкой тишиной, теплом и паром. Усталость еще. И пережитое вместе, что, конечно, объединяло...

– Теперь на мне долг крови... и рода, – Генрих закрыл оба глаза. – Я не собираюсь его забывать, но... вы понимаете, вам еще рано начинать открытую войну.

– Грядет беда.

– Да, я помню. В городе уже расклеивают листовки с напоминаниями. Стражу усилим, защиту... кладбища... сам видел.

– Видел, – согласился Ричард. – На этот раз все будет иначе... оно, чем бы то ни было, набирает силу...

Излагать выстраданную свою теорию, лежа в ванной – что может быть глупее? Но, видно, ночь такая, на глупости гораздая, вот Ричард и говорил.

Кратко.

А Генрих слушал.

– В этом есть смысл, – сказал он, пошевелив пальцами. – Ноет... надо будет сочинить что-то героическое батюшке... или правду рассказать? Боюсь, правду он не примет... не сразу... значит, полагаешь, будто твоя монетка – это своего рода манок для нечисти?

Ричард подумал и кивнул, уточнив.

– Часть манка... большого манка, который накрывает всю Империю...

– И если так, то твое желание уничтожить его в целом логично и полезно... для общества.

Ричард вновь кивнул.

– ...но не выгодно Гильдии некромантов. Более того, чревато утратой статуса... и за меньшее убивали. Кто знает о твоих...

– Глава гильдии... и не только.

– Значит, все более-менее заинтересованные лица, – Генрих осторожно потрогал перевязь. – И это плохо... это, к проклятым богам, вовсе отвратительно... но гораздо хуже, если узнают, что ты прав.

– Почему?

– Потому что, дорогой мой друг...

...когда это Ричард успел другом стать?

– ...пока ты – всего-навсего чужак с безумной фантазией, которая, пусть и выглядит довольно логичной для фантазии, но все одно является придумкой, а значит, относительно безопасна. А вот если окажется, что эта фантазия, так сказать, материально подтверждена...

По потолку плыли корабли.

Узкие триремы с хищными носами.

Тонкие ребра весел едва касались барашков-волн. Яркими пятнами выделялись паруса. И корабли готовы были столкнуться в бою...

– ...это заставит задуматься многих. И боюсь, две трети придут к весьма однозначным выводам.

...под кораблями вытянулись ленты водных змеев. И море оскалило зубы рифов, готовое собрать дань с наглецов, дерзнувших пройти водным путем.

– Знаешь, сколько Император выделяет на поддержку гильдии некромантов?

– Нет.

– Десять миллионов золотых в год.

– Сколько?

Эта сумма не укладывалась в голове Ричарда.

– Это четверть всех доходов Империи, – усмехнулся Генрих. – И в теории идет она на всякие весьма полезные дела. На содержание училищ, на оплату вольных некромантов... или вот тех, что при городах остались. Жалование-то они от гильдии получают.

...и на жалование это kota содержать не получится, не говоря уже о человеке.

– На исследования природы нежити. На разработку новых способов борьбы с нею...

Альер захохотал.

Он возник вдруг на краю ванны, сел, опустил ноги в вязкую белую воду.

– И у вас воруют?

– Фи, какое пошлое слово! Используют ресурс, – Генрих фыркнул. – Папенька мечтал, чтобы я возглавил очередной фонд при Академии, занялся поисками средств упокоения малой и средней нежити.

– Так ведь... – Ричард запнулся.

Средств таких было известно превеликое множество, и выверенные столетиями, работали они весьма неплохо.

– Вот и я о том же, – Генрих поскреб шею. – Гильдия давно стала болотом, но весьма доходным болотом. Для избранных... В Совете собираются провести закон, запрещающий среднему сословию поступать в Академию. Училища – вот ваш потолок. Империи нужны некроманты, но такие, которые будут работать, вот как ты... все одно городов и сел больше, чем свободных рук. Да и гибнете вы частенько...

– То ли дело благородные лойры, – не удержался Ричард.

– Именно, – Генрих, казалось, нисколько не обиделся. – Я получил отличное образование...

Альер вновь рассмеялся.

– ...которое по сути мне не нужно. Да, я держу охранные контуры кладбищ. Время от времени выезжаю за город, скажем, поохотиться на дикого упыря или еще какую нежить, но и только. А большинство моих однокурсников и того не делает. Но если до них дойдет слух, что ты вот-вот сломаешь кормушку...

Генрих замолчал. И пауза тянулась, тянулась...

– Тебя объявят проклятым...

И будут правы.

Глава 8. Леди и призрак

Колеса кареты грохотали по дороге. В узком оконце проплывал чужой город, сонный и ленивый. На курортах ложатся рано, и город, несмотря на то, что ночь только-только началась, был уныло пуст.

Рядом, понурившись, сидел Грен. Тихон был задумчив и поглаживал черную змею, что обвилась вокруг запястья таким живым браслетом. И мне бы очень хотелось заглянуть в его мысли. Я пыталась выкинуть из головы сцену, свидетельницей которой была, но... не получалось. Тихон, такой мирный и спокойный Тихон, стал вдруг...

– Когда-то я был Стражем последней двери, леди, – произнес он, нарушая затянувшееся молчание.

И Грен вздрогнул, уставился на приятеля с явным ужасом.

– Прости, мой друг, но я посчитал, что это знание навредит, а потому предпочел оставить его при себе.

И все же я не понимаю.

– Палач, – тихо произнес Грен. – Он был палачом.

– А разве у эльфов... у альвов есть палачи? – не нашлась я с ответом.

...и все-таки Ричард мог бы записку прислать. Едем... куда едем? Зачем? И не опасно ли это? После того, что днем случилось... я ведь ждала его.

К ужину ждала.

Отбивных вот сделала, вымещая на мясе накопившуюся злость. И надо сказать, отбивные удались. Гуля вот оценил, а Ричард...

...стук в дверь.

Лакей в синей ливрее.

Поклон.

И наиболее любезнейшее приглашение. Колечко Ричарда серое, которое Тихон взял, покрутил в пальцах и, надев на мизинец, сказал:

– Будем рады...

Я вот рада не была. Как-то живы были относительно недавние воспоминания о другом любезном хозяине прекрасного дома. Правда, ныне мне не навязывали ни нарядов сомнительного свойства, ни еще более сомнительных украшений.

– Не стоит переживать, – Тихон, как обычно, мысли мои прочел с легкостью. – Если бы наш друг чувствовал опасность, он прислал бы другой перстень...

...а может, не он прислал, а какой стянули, такой и стянули... хотя, конечно, признаю, вероятность подобного развития событий не так и велика.

– А палачи... не совсем верный термин, – Тихон наклонился и поскреб Гулю за ухом. – Надеюсь, ты его кормила?

– Она скорее нас не покормит, чем эту тварь, – буркнул Грен, отодвигаясь настолько, насколько это было возможно в тесном экипаже. – Не по коню узда, не по мужику...

Он крикнул и рот закрыл.

Дернул за косицу, в которую ныне заплел бороду.

– Палачи казнят...

– А ты...

– Альвы живут долго... настолько долго, что порой жизнь становится в тягость, – он позволил змее переползти с руки на руку. – Душа, разум и тело... тело бессмертно, а вот душа устает... или разум... альвы обладают немалой силой и, когда уходит разум, получается нехорошо.

Я вдруг отчетливо представила альва со старческой деменцией.

Сильного физически.

И одаренного магически.

Вздрогнула.

– Вижу, ты понимаешь. Но хуже, когда разум остается, а душа гаснет. Это случается редко... но всякий раз... Светлый лес знает лишь два случая... и оба причинили бед больше, чем все Императоры вместе взятые. Мой долг – помогать уходить тем, чья пора пришла...

– И кто... определяет?

– Страж двери, – ответил Грен.

А Тихон лишь кивнул.

– Я... не желал становиться Стражем, но моя семья... это высокая честь. Большая ответственность...

– А еще власть.

– Да, – Тихон не стал отрицать. – Меня всегда привлекала механика. Мои сородичи полагали это несколько противоестественным, достаточно странным, чтобы свидетельствовать о жесткости натуры... тот, кто предпочитает иметь дело с неживым металлом прекрасно справится и с... прочим. Так они полагали. И моя матушка согласилась.

– А ты...

– Суп варили, и петуха пригласили... – вставил Грен.

– У нас не принято перечить родителям, – уклончиво ответил Тихон. – К счастью, мне не часто приходилось исполнять свой долг. Взамен я получил доступ к библиотеке, и лаборатории... и право делать все, что считал нужным.

Меж тем экипаж остановился. И Тихон, выбравшись наружу, подал руку.

– Ты не спросила, – сказал он, когда пальцы мои коснулись теплой его ладони.

– Что не спросила?

– Скольких я... увел за дверь.

– А мне нужно это знать?

Тихон улыбнулся и ответил:

– Сама решай.

Тяжко выскочил Гуля, потянулся, зевнул во всю клыкастую пасть и совершенно по-собачьи, поскреб ногою за ухом.

Нас ждали.

И очередной слуга соизволил провести нас в темную утробу особняка. Здание было мрачным, даже зловещим. И я поневоле вцепилась в Гулин ошейник, попросив:

– Чур меня одну здесь не оставлять...

...а то мало ли, какая пакость здесь водится. Шершавый язык гуля скользнул по ладони, успокаивая. Вот и отлично, а то некоторые некроманты обещают сначала защиту, потом же исчезают неведомо куда. Гули в этом плане, похоже, надежней.

Как ни странно, ночь прошла спокойно, разве что перед рассветом я проснулась. У постели моей стояла девушка.

Полупрозрачная.

И явно неживая.

Наверное, раньше, увидев призрака, я пришла бы в ужас, но теперь лишь покосилась на Гулю. Тот не спал, но к появлению гостя отнесся с поразительным равнодушием. Следовательно, опасности она не представляла.

Бледная какая.

Волосы светлые, почти белые, волнами лежат на плечах. Личико узкое, пожалуй, красивое, несмотря на изможденность. На ней была короткая, до середины бедер, рубашка. Широ-

кий ворот ее съехал на плечо, позволяя разглядеть и узкие ключицы, и россыпь синяков, и еще ожог в виде лилии.

...местная графиня де ля Фер?

– Здравствуй, – сказала я.

И девушка кивнула.

Подняла бледную руку с остатками кандалов, которые смотрелись этаким, весьма специфического толку украшением, и поманила за собой.

Идти?

Вряд ли это разумно.

Разумно – оставаться в своей постели и не искать приключений, но...

Она остановилась и лицо... его выражение сделалось таким, будто призрак вот-вот разрыдается. И я встала.

– Надеюсь, тебе-то не нужны ни сокровища, ни моя шкурка, сапог из нее все одно не получится.

Призрак лишь пожал плечами и подхватил сползшую рубаху.

Она прошла сквозь стену, а вот мне пришлось воспользоваться дверью.

Коридор был темен.

Узок, что кишка.

Тих.

И как-то вот... вспомнилось нехорошее. Гуля, тихо шедший следом, ткнулся носом в спину, будто подталкивая. И значит... значит, опасности он не чувствует? Впрочем, что чувствует или не чувствует мой гуль оставалось большой загадкой для всех, включая некроманта. Ричард, как по мне, вообще терпеливо ждал, когда же Гуля проявит истинную натуру и кого-нибудь сожрет.

Полагаю, Ричард надеялся, что сожрут именно меня.

Я предпочитала верить в лучшее.

Остановившись перед каменной стеной, призрак указала на рыцарский доспех.

– И что мне с ним сделать? – поинтересовалась я.

Доспех выглядел грозным. Выше меня на голову, он принадлежал, казалось, какому-то гиганту, а меч, в латных перчатках зажатый, был, верно, с меня длиной.

Призрак исчез в стене.

И выглянул.

Поманил за собой.

– Извини, но сквозь стены я ходить не умею, – я развела руками.

Она же вновь указала на статую. Конечно, какой старый дом без тайного хода. И доспехи – ключ?

– Что нужно сделать? Сдвинуть рыцаря... нет, – я говорила не столько с призраком, которая все одно не способна была ответить, сколько с собой. Уж очень жутко было в полной тишине. – Это неразумно. Во-первых, мало ли кто мог налететь на доспех и открыть ход. Во-вторых, уж больно громоздкая конструкция.

Я, встав на цыпочки, дотянулась до забрала.

Открыла.

Пусто.

И тихо.

– Не так? Конечно, слишком просто...

Руки, согнутые в локтях, не спешили опускаться, благо, остов, на который доспех навесили, оказался достаточно прочным, чтобы не развалиться. Все же сложновато будет объяснить любезному хозяину, отчего ж мне настолько не спится в предрассветный сей час.

Латы... выглядели литыми.

На всякий случай я постучала по кирасе, насладившись гулким звуком пустоты.

Исследовала шипастые наколенники, попытавшись дернуть за каждый шип... нет, не то... латы выглядели именно так, как полагается рыцарским латам – грозно и бессмысленно.

...а вот меч...

...не великоват ли он будет?

...и поза такая вот... нехарактерная... нет, я с рыцарями знакома не была, но вот мнилось мне, что мечи у них все ж поменьше были. Зря меня никогда не интересовали оружейные залы.

Я отступила, окинув статую придирчивым взглядом.

Рыцарь стоял, не столько опираясь на меч, сколько удерживая его от падения. Рукоять кренилась влево, и я решительно поправила ее.

Пошла она со скрежетом.

И кусок стены отполз в сторону. Из тайного хода пахнуло сыростью и тленом.

– Определенно, идея не самая лучшая, – сказала я Гуле, и тот фыркнул.

Но девушка не исчезла.

Она переминалась с ноги на ногу, и ноги эти были тонки, что тростиночки... а ведь из благородных, вон до чего тонка кость и черты лица правильные. И у нее нет причин желать мне зла.

Надеюсь.

А то может статься, какой-нибудь далекий мой прапрапра и еще черт знает сколько прадед ее умучил, и теперь неупокоенная душа ищет мести...

Гуля первым ступил в тайный ход.

А я последовала за ним, подумав, что если и влипну в историю, то сама буду виновата. Мысль эта не принесла облегчения, но не отступать же...

...вернуться и разбудить...

...Грена?

Тихона?

Ричарда, который спрятался где-то в этом огромном доме...

...разумная мысль.

Проход был узким и темным, правда, стоило мне ступить, и в стенах его тускло загорелись каменные шары светильников.

Грубый камень. Кладка. Раствор.

Пыль и грязь, которыми ступеньки затянуло, что ковром. И ступать по этому ковро неприятно, но я иду.

Ниже.

И еще ниже.

Воздух тяжелый, сырой. На стенах плесень... призрак становится плотнее будто бы, во всяком случае, я уже не могу рассмотреть стену сквозь мою провожатую.

Гуля здесь же.

И его присутствие придает уверенности.

Шли мы, шли и вот пришли...

Дверь массивная на тяжелых завесах. Пусть и покрытые толстым слоем ржавчины, они все равно выглядели достаточно надежными, чтобы удержать ее.

Замок...

– И как мне открыть? – поинтересовалась я. Призрак же приложила к двери руку и сделала вид, что толкает. Понятно, значит, не заперто.

Гуля встал на задние лапы, втянул воздух и затряс головой, скривился брезгливо, следовательно, вряд ли зрелище, которое меня ждет, приятно глазу.

Я сделала глубокий вдох.

Закрыла глаза.

И толкнула дверь... еще раз толкнула. И навалилась всем телом. Она поддалась медленно с душераздирающим скрипом.

Вдох.

И выдох.

Порог высокий.

Холод.

И темнота. Здесь шары не спешат загораться, то ли выдохлось заклятье, то ли приводится в действие иначе.

– Где ты? – позвала я, и эхо откликнулось, покатило мой голос по стенам.

Где ты?

Гдеты.

Тыгде.

Где, где...

Шары вспыхнули так ярко, что я зажмурилась, вцепилась в жесткую шкуру гуля. Мне вдруг представилось, что дверь эта захлопнется, а та, которая наверху, и подавно... и кто меня найдет здесь?

Кто меня вообще искать станет.

– Это... – я усилием воли выкинула жуткую мысль из головы. – Это ты хотела показать?

Комната.

Или, скорее, комнаты. В подземелье... странное место... я еще понимаю, тайный ход, который выводил из дома, но второй дом внизу? Какой смысл в этом?

Их было несколько.

Гостиная.

Гнилой ковер на полу. Истлевшие гобелены на стенах. Мебель порчена, потемнела от возраста и пахла гнилью. Пожалуй, ни столик, ни изящные стулья не выдержали бы и прикосновения, не говоря уже о весе. Я потрогала длинный сундук с высокой крышкой и поспешно вытерла пальцы о халат. Ржавчина.

И короста лишайника.

Мха.

Что-то еще, осклизлое, неприятное. Патина на медных подсвечниках. Шары и те заросли толстым слоем грязи, из-за которой свет обретал странный зеленоватый оттенок.

Вторая комната – спальня.

Огромная кровать с остатками балдахина.

...умывальня с чашей ванны. На дне скопилась вода, в которой что-то копошилось мелкое и осклизлое. Уточнить, что именно, я не стала.

Библиотека?

Шкаф.

Тубы темные то ли от грязи, то ли сами по себе. Паутина... стол и мертвец, свернувшийся калачиком под ним...

...не мужчина.

Я не сразу поняла, что это – не мужчина.

Ей остригли волосы, обрядили в мужской наряд.

И приковали цепью.

Из какого металла она была, если осталась такой же новенькой, блестящей даже? Не знаю.

– Это ты?

Призрак кивнула и протянула руки к себе. Завыла беззвучно, но от этого воя у меня волосы дыбом стали.

– Как твое имя?

Она указала на кусок пергамента, который лежал на столе.

– А он не рассыплется?

Все же не хотелось мне уничтожить ненароком важный документ. Но призрак покачала головой.

...пергамент был зачарован.

Он заботился о своем наследии и не допустил бы, чтобы знания исчезли из-за такой нелепости, как сырость или огонь. Пожалуй, защитные заклятья – единственное, что у него получалось, и это злило Харвара.

В злости он был страшен.

...первое время ей казалось, что именно она, благородная Хиргрид из рода, с которым дважды роднились Императоры, сошла с ума, ведь невозможно такое, чтобы родной брат вдруг стал чудовищем.

Потом она поняла, что ошибалась.

Не стал.

Был.

Всегда.

Просто на это не обращали внимания... кошки? Кто их считает... слуги-мальчишки? Их мало меньше кошек... собаки, кони... рабы... у молодого Харвара дурной нрав, это известно многим, но ведь и кровь огненная – не водица.

Повзрослеет.

Остепенится. А он взял и не стал остепенятся, но принес в дом яд, который подсыпал отцу. Верно, в честной схватке он вряд ли одержал бы победу, а так... взять и перерезать горло за обеденным столом... и смеяться... так жутко смеяться... матушке он выколол глаза, прежде чем подарить смерть.

И сказал:

– Смотри, пока есть чем... зажмуришься, я решу, что и тебе они не нужны...

...он отдал теток и кузин чудовищам, которых назвал своими людьми, а потом, когда те наигрались, полубезумных и нагих, растерзанных и опозоренных, велел гнать за ворота.

– Что, дорогая сестричка, – сказала чудовище ей, – все изменилось, верно?

Было страшно.

– Чем мы не императорская чета? – чудовище, напившись чужой крови, добрело. – Но если ты думаешь, что этим меня удержишь...

...ему нужно было иное.

Знания.

Те знания, в которых ему самому было отказано. И разве виновата была Хиргрид, что Вдова выбрала именно ее, ничтожную? Она ведь никогда-то и набожностью не отличалась, а тут...

...высокая честь.

...храмовая школа.

...и пять лет, чтобы подняться на первую ступень.

...еще бы десять, и Хиргрид вошла бы в число сильнейших жриц, которым...

...храмы закрыли, а некоторые и разрушили. И боги, перед которыми недавно пресмыкались люди, стерпели оскорбление. Чего ждать от людей?

...первый год он держал Хиргрид в башне, не забывая, впрочем, навещать.

...он забрал сына.

...и сказал:

– Ты умерла.

А она поверила, потому что на самом деле умерла уже давно. И какая разница, где оказаться? Над землей или под землей. Потом, конечно, она поняла, что разница есть – в башне видно было солнце, но мертвые не жалуются.

Он приходил.

И приходил.

И потеряв к ней интерес, как к женщине, сохранил, как к магу.

...запретные заклинания из Книги Вдовы, куда ей позволено было заглянуть.

...и тайные семейные, подаренные матушкой и тетками.

Однажды она решила, что больше не станет работать на него и оказалась в пыточной. Всего несколько часов боли, и Хиргрид передумала. А он сказал:

– Помни, ты жива лишь пока приносишь пользу...

...в ее заключении появлялись свитки. На них стояли печати других домов, и Хиргрид не знала, что стало с этими домами. Часто свитки были подпорчены, порой огнем, порой – кровью. Всегда – изменены, ибо таков был обычай: чужак, даже украв сокровище дома, не сумеет им воспользоваться.

Если, конечно, у него нет той, которая способна вычислить ошибку.

...это длилось.

Ей показалось – вечность, а если верить календарю, созданному ею же в углу камеры, прошло едва ли три года. Потом он перестал приходить.

Иногда он исчезал.

На день.

На два... на пять... но всегда возвращался.

Не в этот раз.

Хиргрид ждала.

Она берегла еду, которую он оставлял здесь же, и воду... в воде не было недостатка, благо, текла она в ванну легко...

...а он все не шел.

И не шел.

И когда Хиргрид догрызла последнюю корку хлеба, она осознала: ее мучитель мертв. Что с ним случилось? Хиргрид не знала, она надеялась, что смерть его была долгой.

Как и ее собственная.

...голод.

Слабость.

Надежда: вдруг кто-нибудь да отыщет тайник... спустится... найдет ее...

...отчаяние.

Она вновь и вновь пытается разбить оковы из белого металла, запершего ее дар внутри. Она рвет злосчастную цепь, которая выглядит такой тонкой, но на деле цепь невероятно прочна.

И крюк, замурованный в стену. И сама стена.

Ее единственное оружие – нож для бумаг.

И еще бронзовая чернильница.

Приборы для черчения... они слишком мягки, чтобы и вправду одолеть камень.

И с усталостью приходит понимание.

Она уйдет из жизни с достоинством. Допишет и... тело не камень.

...тому, кто прочтет эти строки...

...две монеты лежали на столе.

Ричард тронул пальцем одну.

И вторую.

Поменял местами.

Прислушался к ощущениям, но ровным счетом ничего не изменилось. Щелкнул пальцами, пытаясь оживить заклятье. Но чуждая магия осталась равнодушна к его потугам. И Ричард со вздохом вынужден был признать, что он по-прежнему ничего не понимает.

– Не спеши, – Альер сидел на столе. Он мотал ногами и с сосредоточенным видом мусолил вяленую рыбину, надо полагать, подсмотренную в подвалах лойра Шаннара. Рыбина была длинной и зубастой, с рыжими, будто проржавелыми, плавниками и кривым хвостом, который Альер обсасывал с особым удовольствием.

– Куда уж медленней.

Ричард поставил монету на монету.

Это должно работать иначе.

Что вообще Ричард знает о разделенных заклятьях?

– Расскажи.

Рыбина исчезает, сменяясь огромным румяным яблоком, в которое дух впивается со смачным хрустом. Брызжет сок. И даже, кажется, пахнет яблочным духом...

– Разделенные заклятья – это тема такая... сложная, – Альер явно не в настроении читать лекции. – Теоретически все более чем просто. Берем нужное нам заклинание, к примеру, проклятье...

По щелчку его пальцев на дубовой столешнице появились огненные дорожки.

– К слову, что за проклятье? – дух подвинулся, позволяя Ричарду разглядеть рисунок.

Круг.

И два вписанных в него треугольника.

Старшие руны.

И младшие.

Два контура, уравнивающих структуру...

– Чума? Черная чума, – Ричард поморщился, вот уж не было печали в лишних знаниях.

– Она самая, – Альер кивнул. – Так вот... берем элементы основного заклятия...

Рунный круг.

Треугольники.

Контур...

...странно, почему Ричард сам не понял очевидное: все заклинания, которые так старательно вбивались ему в голову, по сути своей состоят из одних и тех же элементов. И зная принципы создания, можно...

...интересно, в нынешнем мире хоть кто-то да помнит о принципах?

– Привязываем к предметам... стабилизируем...

...дополнительные контуры виноградной лозой обвивали каждый элемент.

– ...добавляем накопители, поскольку в противном случае наши элементы не просуществуют сколь бы то ни было долго... для простых заклинаний подойдет сеть Рарха...

...вспыхнули новые линии.

– ...она сама по себе относительно несложна...

...если это считается простым, то...

– ...однако имеет крайне неприятную особенность. Со временем коэффициент рассеивания силы увеличивается, что приводит к досрочному пробуждению артефакта, поэтому сеть используют лишь в краткосрочной, до десяти-двадцати лет, перспективе.

Ричард кивнул, надеясь, что кивок его выглядит в достаточной мере глубокомысленным.

– ...а вот если требуется большой запас времени, то имеет смысл создать цикловую сферу Крип-Сааха. Дело весьма муторное, поскольку сфера при построении довольно неустойчива и, мягко говоря, разрушительна, но будучи стабилизированной, обладает удивительной способностью к поглощению внешней энергии. Она является самоподдерживающейся и это свойство

ее стало причиной того, что сферу включают в большинство так называемых самовозобновляемых заклинаний.

Ричард снова кивнул.

Сфера была...

Пожалуй, прекрасна.

И сложной не выглядела.

Хрупкой. Воздушной. Завораживающей...

– Основная проблема – это перерасчет в точках крепления к блокам заклатья. Здесь необходимо учесть самые незначительные флуктуации силы, иначе сфера просто вберет в себя исходную энергию и схлопнется...

Альер потер надкусанное яблоко о штаны.

– Многие самоуверенные маги ушли из жизни, недооценив разрушительную ее мощь. Так что, будь любезен, воздержись от экспериментов.

– Не дурак.

– Не знаю, не знаю... – он ткнул пальцем в разделенное проклятье. – Последняя обязательная часть – это ключ...

– Какой?

– Какой вздумается. По сути ключ – именно то, что запускает заклатья... к примеру, капля крови... в мое время весьма популярны были подобные ловушки. Скажем, какой-то самонадеянный идиот решит вскрыть твою гробницу и поранит палец об острый угол двери, а заодно и охранное плетение активирует. Ему-то будет казаться, что охрану он убрал... разделенные заклинания в неактивной фазе скрыты. Выявить их практически невозможно.

И в этом была своя правда. Монеты... если не приглядываться, если не искать в них чужой магии, монеты выглядели именно монетами.

– Понятно, – Ричард поставил обе рядом. – А они должны быть рядом?

– А сам как думаешь?

Альер с хрустом догрызал яблоко. И не надоедало же ему живым притворяться?!

– Думаю, что нет... слишком ничтожно вероятность, что в нужный момент все части окажутся рядом...

– Именно, – благосклонно кивнул Альер. – Второго такого дурака, который решится обыскивать заброшенные храмы пойдти поищи, а при всей нашей силе дар предсказания у нас проявлялся крайне редко.

– А... – Ричард коснулся шершавого обода. – Что случится, если... когда они все окажутся рядом?

– Ничего. Пока ключ не работает. А вот потом...

Альер зажмурился.

– Говори уже.

– Не скажу, – он тряхнул головой, меняя обличье. – Слишком... необычное плетение. Мне такого не показывали, но пойми, что после моей смерти наука не стояла на месте. Кое-что я знаю, конечно, но... далеко не все души мне подвластны. А моя родня... не испытывает друг к другу родственных чувств.

– Мятаж.

– Что?

– Почему он вообще случился, – Ричард попытался взглянуть на заклинание по-новому. Он теперь примерно предполагал, что искать.

...чтобы установить первоначальную структуру и понять, что именно перед ним, надо всего-навсего отсечь лишнее.

Вот только слишком много всего, будто старый виноградник по лозе разобрать надобно.

...это элемент стабилизирующий?

Или часть сферы?

Ключ?

Что будет являться ключом?

Кровь, как сказал Альер? Но чья и...

– Это ведь априори невозможно было, верно? Императорские регалии. Клятва верности. Как они могли бунтовать, если принесли эту треклятую клятву?

...кровь императора? Или кого-то близкого? К примеру, Оливии... нет, слишком ненадежно... пара сотен лет и павшая династия, каков шанс, что в нужный момент отыщется правильная кровь?

– Если бы все было так просто, – этот Альер потер босую ногу. – Видишь ли, Регалии – это артефакт, вещь, невероятно сложная по устройству своему, чудесная даже... дарующая и силу, и здоровье... много силы... столько, что тот, кто примерил их, становился равен богам... то есть, он думал, что равен... но вещь в конечном итоге не перестает быть вещью. А клятва клятвой. Любую клятву можно обойти.

...нет, кровь – определенно не тот ключ, который нужен.

Тогда что?

Время? Нет, вновь же не то... теоретически можно поставить счетчик времени, который усложнил бы и без того сложное плетение, но пришлось бы как-то... уравновесить эти счетчики в каждой из частей.

Да и...

...как знать, что время будет подходящим? Что через пятьсот лет наступит именно тот, нужный момент, чтобы заклятье сработало?

И почему так долго?

Если и бить, то разумней было бы в момент становления Империи. Ричард помнил, что молодое государство едва не пало. Кочевники, получившие свободу. Отколовшиеся Острова, что мигом подмяли остатки флота, установив на Южных морях свое господство. И по сей день от пиратов не избавиться, а уж тогда...

...самообъявленные Вольные провинции, которыми правил Совет наместников. И Свободные же города, достаточно богатые, чтобы обзавестись собственным войском. Разбойные шайки. Мародеры.

Охотники за золотом.

И некромантами.

Бывшие рабы, получившие право мести. И те, кто просто пытался выжить. Если бы в этот момент заклятье сработало так, как должно сработать, то орды нечисти затопили бы государство, окончательно добив его. Или... или это было не нужно?

Голова гудеть начинает от таких рассуждений.

– К этому времени я был мертв уже давно, поэтому и знаю о происходящем довольно мало... мертвецы этого периода не слишком-то разговорчивы.

...что остается?

Заклятье-ключ?

Тоже ненадежно, а кто бы не затеял подобное, он не стал бы рисковать. Значит... значит, привязка была к чему-то...

...вроде затмения.

Ричард моргнул.

– Регалии украли...

...циклического затмения, вызывая волну...

...волна – лишь эхо, далекое эхо, которое...

– Украли? – мысль опять ускользнула. – Разве...

– Разве это возможно? – хмыкнул Альер. – Почему нет? В конце концов, регалии, повто-
рюсь, лишь вещь. А вещь возможно украсть... правда, непросто, очень непросто, но...

Он прошелся по комнате, остановившись над монетами.

– Их создал мастер. Те, с кем мне довелось беседовать... говорили, что последний Импе-
ратор обладал даром предвидения... от матушки достался. А матушкой его была женщина
низкого звания, что само по себе удивительно... мне бы побеседовать с кем-нибудь знающим.

– И что мешает?

Альер создал копию монетки и крутанул в пальцах.

– Пять углов. Пять элементов. У тебя два... будет заклятие цельным, тогда, быть может,
мы и пойдем, для чего оно надобно.

– Мы?

– А ты хочешь разбираться в одиночку? Я все-таки не лишен любопытства... любопыт-
ство – это все, что остается подобным мне...

Он вдруг остановился, прислушиваясь к чему-то.

– Интересно... очень интересно. Идем.

– Куда?

– Нам... – губы Альера растянулись в улыбке. – действительно стоит поговорить с кем-
нибудь из тех времен.

Глава 9. Некромант и тайны прошлого

Я сидела.

И перебирала влажноватые бумаги, стараясь не думать о мертвой девушке и призраке, который не думал исчезать. И значит, хотел чего-то...

Чего?

Мести?

Мстить некому.

Справедливости?

Сомневаюсь, что ее можно восстановить спустя столетия.

Покоя?

Я спросила, и девушка кивнула, а потом протянула сложенные лодочкой руки ко мне, будто выпрашивая милостыню.

– Не понимаю...

– Крови ей надо, Оливия, – Альер возник на ступенях и погрозил призраку пальцем. – Дорогая, тебе мама не говорила, что некоторые знакомства опасны для жизни?

– Нет.

– Зря, очень зря... конечно, эта милая дама пока настроена весьма дружелюбно и может показаться совершенно безобидным существом...

Хиргрид замотала головой. Рот ее раскрылся, но до нас не донеслось и звука.

– ...беспомощным даже, но это не совсем верно. В месте своей смерти призраки способны на многое... к примеру вот душить глупца, которому вздумалось это место потревожить. Верно, Ричард?

Ричард стоял, скрестив руки на груди. Ни дать, ни взять – ревнивый муж, вернувшийся досрочно и заставший супругу в весьма неоднозначной ситуации.

– Что? – я потупилась, надеясь, что выгляжу в достаточной мере раскаявшейся. – Девочка пришла за помощью и Гуля...

– Твой Гуля тебя когда-нибудь сам сожрет, – буркнул Ричард и потрянул головой. Косицы зазвенели, а в связке амулетов блеснул красным глазом камушек.

– Тебе на радость.

– Вот уж точно расстраиваться не стану, – он подошел к телу и наклонился. Коснулся пальцами пыльных волос мертвеца. Прислушался. – Без крови... но долго и мучительно. Ее надо поднять. Перенести и...

– И этим займутся мои люди...

В подземных покаях становилось людно.

– Доброго утра, лайра Оливия, – градоправитель изобразил изящный поклон. В белой рубашке и простых черных штанах, лишенный прошлой позолоты он выглядел еще более впечатляюще, нежели в прошлом роскошном своем наряде.

– А тебя каким ветром занесло? – появлению хозяина Ричард не обрадовался.

– Это ведь мой дом. Почудилось, что происходит в нем нечто... любопытное. Знаете, до знакомства с вами моя жизнь была тиха и уныла...

– Рады помочь, – буркнул Ричард и посторонился. – Вот... ходят, понимаете... призраки.

– Печально... вы испугались?

Это уже мне.

– Нет.

– Чудесно, – и улыбка лучезарная. – Редко встретишь особу столь здравомыслящую... призраки не способны причинить вред живым...

– ...если эти живые не лезут туда, куда их не просят. На месте смерти призраки...

– Ничего не случилось, – отмахнулся Генрих. – Полагаю, мы с вами имеем дело с классической преценацией, известной также как зов о помощи, когда душа оказывается в ловушке тела и не имеет возможности получить достойное посмертие...

Это он для меня рассказывает.

Ричард вон кривится. И от мертвой Хиргрид не отходит. Альер же устроился на кровати с балдахином, вытянулся, руки на груди сложил.

Осталось стражу выставить и мавзолеей возвести.

– Ее звали Хиргрид, – сочла нужным сказать я. – И она была сестрой...

– ...моего неблагородного предка, судя по всему, – Генрих подобрал листы, пробежался взглядом по верхним строкам и вздохнул. – Надеюсь, вы не станете возражать, что все это является собственностью нашего рода...

– Что вы собираетесь сделать?

Он пожал плечами и поморщился, потрогал левое, будто причиняло оно ему некоторое неудобство.

– Ничего особенного... полагаю, лайра Хиргрид достойна упокоения в семейной усыпальнице, а это... – он погладил листы. – Отправится в архив... мы, будучи верными слугами Императора, сделаем несколько копий для Императорской библиотеки и архива, но оригиналы останутся здесь. Как и все документы, которые будут обнаружены... ты что-то хотел, друг мой?

При этом обращении Ричарда изрядно перекосило. Кажется, Генриха в качестве друга он не воспринимал. Но и возражать не пытался.

– Я побеседую с твоей...

– ...прапрапрабабушкой?

– Именно.

Генрих очаровательно улыбнулся.

– Конечно, не возражаю при условии, что я получу возможность присутствовать при этой беседе. Не отказывайся, Ричард. Два некроманта всегда лучше, чем один.

Ричард явно собирался оспорить данное утверждение, но тряхнул головой и велел:

– Клади ее вот сюда...

Он указал на пол.

– А круг чертить не станешь?

– Нет.

– Хм... – в это «хм» Генрих сумел вложить целую гамму эмоций, от легкого недоверия до удивления.

Впрочем, тело он поднял, не побоявшись замарать белоснежную свою рубаху. И вновь же поморщился...

– Прости, забыл, – Ричард забрал ношу. – Ты выглядишь слишком здоровым...

– Издержки воспитания.

Альер похлопал по кровати и сказал:

– Садись, здесь тоже будет неплохо видно... не бойся, она сухая.

Только пыльная.

Ричард обошел тело слева направо, потом справа налево. Присел у ног. Встал. Переместился к голове. Вновь присел. Генрих следил за его маневрами с неослабевающим вниманием, будто надеясь подметить что-то этакое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.